

СКИФЫ

РАСЦВЕТ И ПАДЕНИЕ
ВЕЛИКОГО ЦАРСТВА

В.И. Гуляев

Валерий Иванович Гуляев
Скифы: расцвет и падение великого царства
Серия «Сокровенная история цивилизаций»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3939775
Скифы: расцвет и падение великого царства.: Алетейя; Москва; 2005
ISBN 5-98639-022-9

Аннотация

Эта книга посвящена одной из наиболее загадочных проблем древней истории Восточной Европы – расцвету и внезапному драматическому падению великого Скифского царства в VII–III вв. до н. э. Содержание ее основано на материалах археологических исследований на территории Украины и России (включая собственные раскопки автора на Среднем Дону), а также на сведениях античных и восточных мыслителей.

Автор постарался донести до самых широких кругов читателей все обаяние самобытной и яркой культуры воинственных скифов – кочевых ираноязычных племен, пришедших в Северное Причерноморье из глубин Азии в VII в. до н. э.

Содержание

Об авторе	4
Вместо предисловия	6
Глава 1 Начало скифской эпопеи, или археологи за работой	12
Куль-Оба[1]	13
Чертомлык	20
Солоха	25
Мелитопольским курган	31
«Пять братьев» (курган № 8)	35
«Гайманова Могила»	39
Толстая Могила	44
Глава 2 Там, где жили амазонки: история изучения скифских древностей Среднего Дона	50
Амазонки: легенды и действительность	68
Амазонки Среднего Дона, или «Виват, антропология!»	72
«Золотая дама», или исполнение мечты археолога	75
Глава 3 Скифы – кто они?	84
Среди степей и дубрав	86
Происхождение скифов	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Валерий Иванович Гуляев

Скифы: расцвет и падение великого царства

Об авторе

Валерий Иванович Гуляев – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом теории и методики Института археологии РАН. Профессиональный археолог, участник многих археологических экспедиций в нашей стране и за рубежом (Ирак, Куба, Мексика). Занимается проблемами древних цивилизаций Ближнего Востока и Мезоамерики, а также археологией скифов Северного Причерноморья. Последние 15 лет возглавляет археологическую экспедицию, ведущую раскопки скифских древностей на Среднем Дону.

Автор 14 книг и монографий, в том числе «Древнейшие цивилизации Мезоамерики», «Кто открыл Америку?», «В стране первых цивилизаций (Древний Ирак)», «Первые города», «По следам конкистадоров», «Шумер. Вавилон. Ассирия. 5000 лет истории».

Вместо предисловия

В анналах мировой истории можно часто встретить народы и племена, все сведения о которых исчерпываются двумя-тремя фразами, небрежно брошенными каким-нибудь древним летописцем. Это – «народы-призраки». Что мы знаем о них? Разве что дикий и дикий имя да несколько фактов полуполюгендарного характера. Словно туманные видения, бродят они по пожелтевшим страницам старинных рукописей и фолиантов, отнимая покой и сон у многих поколений исследователей.

Для Восточной Европы I тыс. до н. э. сомнительная честь возглавлять список таких загадочных народов принадлежит, безусловно, скифам. История их изучения (а она насчитывает уже почти 250 лет) служит наглядной иллюстрацией успехов современной науки, во много раз расширившей возможности исторического поиска и удаленных во времени реконструкций прошлого.

Однако несмотря на все успехи археологов, раскопавших уже тысячи скифских курганов и десятки поселений и городищ, несмотря на достижения историков и лингвистов, изучающих письменные источники, несмотря на значительный вклад в скифоведение представителей естественных наук (антропологов, палеоботаников, палеозоологов, палеогеографов и др.), мы пока не можем дать ответ даже на основные вопросы истории скифов.

Происхождение скифов и их культуры остается для нас загадкой. До сих пор ведутся ожесточенные споры по поводу того, каков был общий уровень развития этого народа, было ли создано скифское государство, а если да, то когда именно это произошло? Наконец, нет четкого ответа и на вопрос о причинах внезапной гибели Великой Скифии в начале III в. до н. э.

Скифы! Кто же они? Что мы знаем о них в действительности даже сейчас, после двух с половиной веков интенсивных раскопок?

Внезапно появившись на исторической арене Европы в VII в. до н. э., эти воинственные и многочисленные кочевые племена, пришедшие откуда-то из глубин Азии, быстро захватили все Северное Причерноморье – степные и лесостепные области между Дунаем и Доном. Победоносная скифская конница прошла через горы Кавказа, разгромила ряд древних государств Передней Азии (Мидию, Ассирию, Вавилонию) и угрожала даже Египту.

Непобедимый на протяжении почти четырех веков (VII–IV вв. до н. э.), этот многочисленный и воинственный народ так же внезапно и таинственно исчезает, оставив после себя лишь легенды о своей храбрости и жестокости да бесчисленные курганы с захоронениями рядовых воинов и могущественных царей.

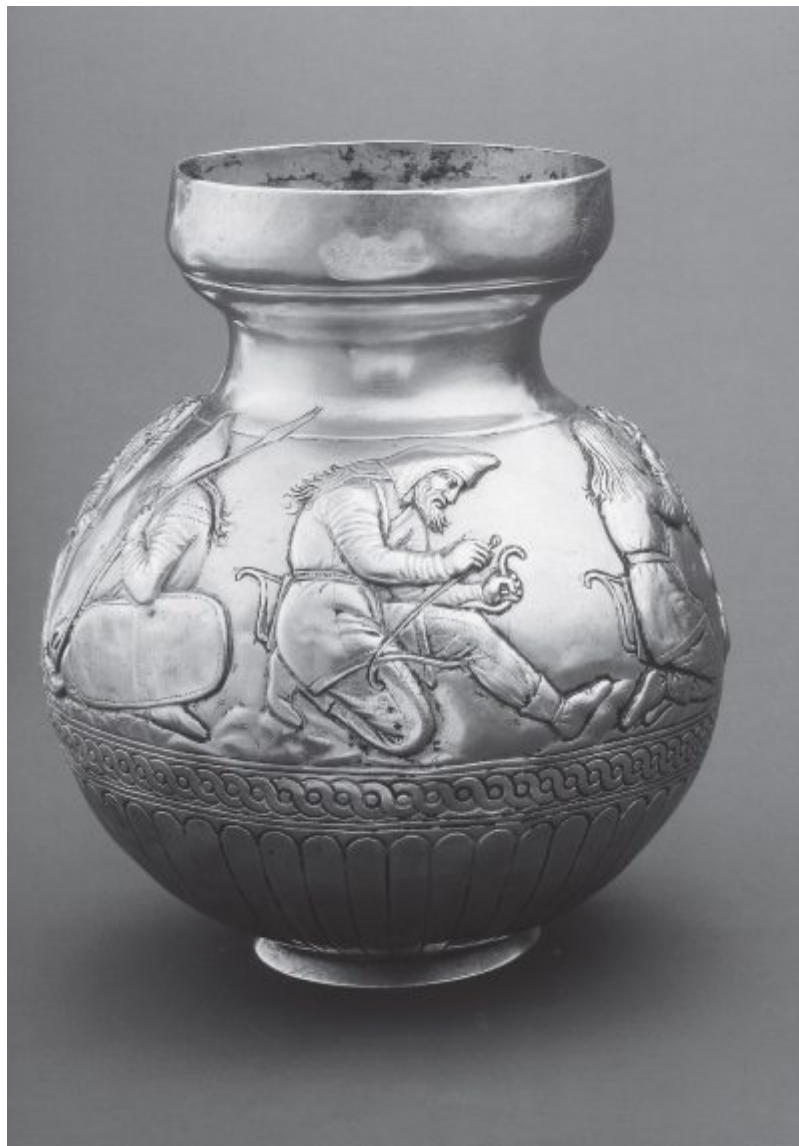
Таким образом, прошлое скифов и по сей день представляет собой сплошную загадку. Но это отнюдь не уменьшает той громадной роли, которую сыграли скифы в истории древней Европы.

«Скифы, этот азиатский по происхождению, но ставший европейским народ, – пишет известный российский археолог А.Ю. Алексеев, – оказывали на протяжении нескольких столетий значительное воздействие на культуру и историю своих близких и дальних соседей. Они оказались первыми в длинной цепочке известных нам кочевых племен, которые с периодичностью в 200–400 лет накатывались волнами по Великому степному коридору в Европу (последней такой волной были монголы в XIII в.). Тем не менее, культура скифов не имеет, пожалуй, равных себе среди степных культур всех эпох ни по присущей ей яркой самобытности, ни по произведенному ею резонансу».

Огромное количество конкретного вещевого материала, накопленное к настоящему моменту по скифской тематике, и, одновременно, нерешенность большинства главных про-

блем скифоведения делает задачу любого человека, взявшегося за написание научно-популярной книги по скифам, очень трудной, если вообще выполнимой.

И, тем не менее, автор – хотя он и не новичок в скифской археологии – решился на это, уповая на свой опыт и знания, а также на великодушные коллег и поддержку широкого круга читателей.

Илл. 1. Электровый сосуд со скифами. Курган Куль-Оба, IV в. до н. э.

Сложность ситуации состоит еще и в том, что я буду освещать общескифские проблемы в основном по имеющейся научной литературе, изданной в России и на Украине, а новый, «живой» археологический материал есть в моем распоряжении только по далекой северо-восточной окраине Скифии – Среднему Дону, где я уже много лет веду раскопки. Мне посчастливилось закончить кафедру археологии исторического факультета МГУ в 1960 г. по специальности «скифо-сарматская археология». Моим руководителем был известный отечественный скифолог – профессор Борис Николаевич Граков. И уже на первых курсах университета я побывал на самом знаменитом и величественном памятнике скифской эпохи лесостепной Украины – Вельском городище (раскопки совместной экспедиции МГУ под руководством Б.Н. Гракова и Харьковского государственного университета во главе с Б.А. Шрамко). Затем я работал в самых различных уголках украинской земли на предскифских и

скифских памятниках I тыс. до н. э. и набирался опыта у самых известных специалистов по скифской тематике – А.И. Тереножкина, Н.Н. Погребовой, А.И. Мелюковой, В.Г. Петренко. Но все же и тогда, в свои студенческие годы, и потом, вплоть до настоящего дня, меня больше всего притягивали к себе древности скифского времени на Среднем Дону.

Впервые я попал на Средний Дон весной 1960 г., будучи еще студентом-пятикурсником исторического факультета МГУ. Время тогда у меня было горячее: заканчивал работу над дипломом, государственные экзамены – на носу, да и повседневных забот хватало с избытком. И, вдруг, неожиданно в апреле приходит из Института археологии Академии наук СССР приглашение принять участие в полевых исследованиях на территории Воронежской области. После недолгих размышлений я согласился, и, надо сказать, этот выбор стал для меня во многом решающим и судьбоносным. С тех пор я ежегодно бываю в благодатных воронежских краях.

Но первое впечатление – всегда самое сильное. И у меня до сих пор свежи в памяти картины той первой воронежской весны: бело-розовое море цветущих бесчисленных садов, меловые кручи на диво широко разлившегося в том году «батюшки-Дона», сочная зелень заповедных дубрав и поля тучного чернозема, окутанные легкой дымкой после прошедших весенних ливней. Я полюбил эти места с первого взгляда и навсегда. Мне нравится и сам город Воронеж, взметнувшийся острыми шпилями старых церквей на высоких речных берегах. Город – с более чем миллионным населением, множеством учреждений, вузов, заводов и фабрик, но удивительно уютный, благоустроенный и чистый, весь утопающий в зелени парков и бульваров. Мне нравятся трудолюбивые и гостеприимные люди Воронежщины, с их по-южному мягким и певучим говорком, напоминающим, как и белые хаты в селах, о близости юга, о близости Украины. Но, самое главное, – меня увлекло и прочно привязало к себе богатейшее археологическое прошлое этих мест.

Илл. 2. Золотая поясная бляха из Южной Сибири. Случайная находка, V–IV вв. до н. э.

Благодатные земли Среднего Дона издавна манили к себе человека. Здесь, на крутом донском берегу и на склонах окрестных оврагов, под напластованиями лёссовых пород находится скопление древнейших стоянок охотников и собирателей Восточной Европы (верхний палеолит, мезолит) – Костёнки. Позднее здесь обосновались племена эпох неолита и бронзы, остатки скромной культуры которых в виде обломков грубой керамики и кремневых отщепов встречаются на многих речных мысах и холмах, не затопляемых водой во время весенних паводков. А затем наступает железный век – эра господства железных орудий труда и оружия, время появления в степях Евразии огромных кочевых орд, время жестоких и опустошительных войн, время основания на северных берегах Черного и Азовского морей первых греческих городов-колоний. Именно тогда приходят на Средний Дон и воинственные кочевники-скифы.

С тех пор, освещенные ярким светом античной письменной традиции, как сами скифы, так и их нескифские соседи становятся непрямыми участниками всех важнейших исторических событий, происходивших на обширных территориях Евразии в VII–III вв. до н. э.

Но прошло всего несколько столетий, и скифы (в том числе и среднедонские) были сметены с лица земли новыми волнами кочевников из Азии – сарматами. И теперь только многочисленные курганы, да оплывшие валы древних городищ напоминают о былом величии и славе некогда могущественной Скифской державы.

Многолетние археологические раскопки, дополняемые сведениями древнегреческих и римских авторов, позволяют сейчас воссоздать, хотя бы и в самых общих чертах, историю самобытной и яркой цивилизации скифов. Скифской проблематикой занималось и занимается множество исследователей как в России, так и за рубежом. Стоит ли удивляться, что в свое время и я – только начинавший карьеру археолог, – был сразу же увлечен изучением скифских древностей. Работая на Среднем Дону, я прошел путь от лаборанта до начальника крупной археологической экспедиции. Временами судьба складывалась так, что мне приходилось надолго покидать воронежские края (12 полевых сезонов я находился в составе Советской археологической экспедиции в Ираке; несколько лет вел раскопки на Кубе). И, тем не менее, среднедонские скифы и их загадочное прошлое неизменно притягивали меня к себе. С 1989 г. во главе комплексной Донской (бывшей Потуданской) археологической экспедиции, я регулярно веду исследования скифских городищ и курганов на юге Воронежской области, в бассейнах рек Потудань и Девица (правые притоки Дона) и на востоке Белгородской области (с. Горки).

Илл. 3. Золотая обкладка горита. Курган Чертомлык, IV в. до н. э.

На протяжении всех периодов древности и средневековья территория Среднего Дона играла заметную роль в важнейших событиях евразийской истории. Но особенно ярко это проявилось именно в скифскую эпоху.

Историко-географический термин «Регион Среднего Дона» в территориальном смысле включает ряд современных административных делений Центральной и Южной России: Воронежскую и Белгородскую области целиком, а Ростовскую, Волгоградскую и Липецкую области частично.

Река Дон занимает центральное положение в системе трех крупнейших рек Восточно-Европейской равнины (Днепр – Дон – Волга). Географически эта территория относится к лесостепной и степной зонам. Особенности рельефа, его равнинный характер и развитая речная система открывают сравнительно легкий доступ к природным ресурсам региона. Не удивительно, что эти земли весьма интенсивно использовались в прошлом различными народами и племенами.

Дон (древний Танаис) античные географы считали границей между Европой и Азией. В знаменитой трагедии Эсхила (526–456 гг. до н. э.) «Прикованный Прометей» главный

герой говорит, обращаясь к красавице Но: «Переплыв Меотиду (т. е. Азовское море. – В.Г.), ты покинешь европейскую землю и вступишь на азиатский материк». На Дону находился перекресток важнейших торговых путей того времени: из Причерноморья на Урал и Алтай, из северных лесных областей на юг, из Причерноморских и Азовских степей на Кавказ. Здесь встречались и вступали в контакты друг с другом различные этнические группы, народы и племена – носители самых разных культурных традиций и верований: угро-финны, славяне, фракийцы, ираноязычные скифы, меоты, савроматы, греки. Здесь шла мирная торговля, велись военные столкновения, пролегали пути миграций.

Известно, что в III в. до н. э. боспорские греки основали в устье Дона большой торгово-ремесленный центр – Танаис, откуда вездесущие эллинские купцы или их посредники проникали далеко на север. Ранее такую же роль играло для бассейна реки Дон Елизаветовское городище V–IV вв. до н. э. За ковыльными далями задонских степей грекам-торговцам виделись золотые россыпи Рипейских (Уральских) гор. Но, видимо, не столь уж часто ходили к подножью Рипов караваны греческих и скифских купцов, если их рассказы об увиденном так густо пересыпаны множеством небылиц. А может в этом и состояла главная купеческая мудрость: все истинные сведения о золотоносных областях на востоке держать при себе, в глубокой тайне, а вероятных конкурентов отпугивать страшными баснями об одноглазых воинах-аримаспах, козлоногих людях и не знающих жалости чудовищах-грифах. И, тем не менее, о размере этих связей с Уралом и Алтаем можно судить хотя бы по тому широкому потоку золота, который хлынул на Дон и в Северное Причерноморье именно в VI–III вв. до н. э., т. е. в скифское время.

Все упомянутые выше факты придают региону Среднего Дона особую значимость в глазах историков и археологов, занимающихся скифской проблемой. Скифские древности – курганы и городища – немые страницы забытой истории исчезнувшего народа, которая постепенно оживает сейчас благодаря усилиям ученых. Давайте же заглянем вместе с археологами в далекую и седую старину, в мир ожесточенных битв и походов, в мир своеобразной и богатой культуры, процветавшей на юге России и Украине около 2500 лет назад.

Глава 1 Начало скифской эпопеи, или археологи за работой

*Мы – те, о ком шептали в старину,
с невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны, – скифы.*

В. Брюсов

История исследования скифских древностей знает немало ярких страниц. Здесь были и сенсационные открытия, и глубокие разочарования. Порою рассказ об истории раскопок скифских курганов больше похож на приключенческую или детективную повесть, чем на официальный научный отчет. Археологам приходилось сталкиваться с грабителями, бандитами и мошенниками, преодолевать всевозможные трудности (частная собственность на землю, где находились древности, и др.). Среди первых исследователей курганов Скифии (а они начали свои работы в конце XVIII в. после завоевания русскими полками Северного Причерноморья и Крыма) были самые разные люди – энтузиасты-любители, крупные ученые, путешественники, военные и государственные чиновники. Многие из них, особенно на заре российской археологии, по неопытности или в погоне за эффектными и драгоценными находками наносили большой вред науке. Методы раскопок в то время мало чем отличались от простого кладоискательства. Раскопки не документировались, не велись дневники по ходу работ, не составлялись планы и разрезы раскопанных объектов. Многие находки, не представлявшие, с точки зрения раскопщиков, интереса, попросту выбрасывались. Все это – невосполнимые потери.

Первые официальные раскопки большого скифского кургана были произведены в 1763 г. по поручению генерал-поручика Алексея Петровича Мельгунова, бывшего в то время губернатором Новороссийского края. Исследованию подвергся Литой курган (или Червонная Могила), в 60 км от Елисаветграда (совр. Кировограда). И хотя курган не был докопан до конца из-за наступления ранних холодов, вскрытое там погребение знатного скифа содержало великолепные вещи конца VII – начала VI вв. до н. э. Их приказали передать коменданту крепости Святой Елисаветы для дальнейшего препровождения в Петербург императрице Екатерине II. Наиболее интересной находкой из могилы скифского вождя, безусловно, является меч в золотых ножнах, украшенных изображениями каких-то фантастических животных. Это странные существа имеют туловище быка, хвост скорпиона, голову барана, орла или льва, и крылья в виде рыбы со звериной головой. В лапах они держат натянутый лук со стрелой. В раскопе была также обнаружена диадема и множество других драгоценных украшений. Все эти предметы имеют древневосточное происхождение. Возможно, они были добыты скифскими воинами во время их походов в страны Передней Азии.

Куль-Оба¹

22 сентября 1830 г. по приказу градоначальника Керчи И.А. Стемповского в окрестности города была отправлена рота солдат для добычи камня на строительство новых городских зданий. В ходе разборки большого каменного холма работающие внезапно наткнулись на древнюю гробницу в виде квадратной камеры площадью в 20 кв. м, сложенной из огромных, тщательно отесанных известняковых блоков. Перекрывал ее ступенчатый (или «ложный») свод.

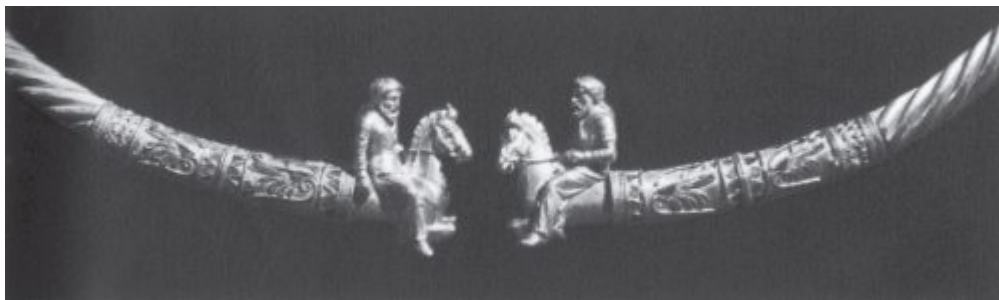
Илл. 4. Меч из Мельгуновского кургана в золотых ножнах

Руководство расчисткой склепа взял на себя офицер Павел Дюбрюкс. Внутри гробницы он обнаружил три человеческих скелета. Главное захоронение, очевидно, принадлежало представителю знати², а, возможно, даже «царю». Его останки, облаченные в некогда роскошные одежды, были размещены на деревянном катафалке. О знатности и богатстве покойного свидетельствовали многочисленные золотые бляшки, нашитые на его одежду и войлочную шапку-башлык, а также изящные золотые браслеты для рук и ног и массивная золотая гривна весом более 400 г, скрученная жгутом из шести толстых проволок и украшенная на концах фигурками всадников-скифов. Рядом со скелетом лежали меч, лук и стрелы в футляре (горите), бронзовые с позолотой греческие поножи (кнемиды). Рукоять и ножны меча, а также горит были обложены золотыми пластинами с вытесненными на них фигурами зверей и фантастических животных. Неподалеку от оружия найдена прекрасная золо-

¹ Археологи полагают, что Куль-Обская гробница была сооружена приблизительно в третьей четверти IV в. до н. э.

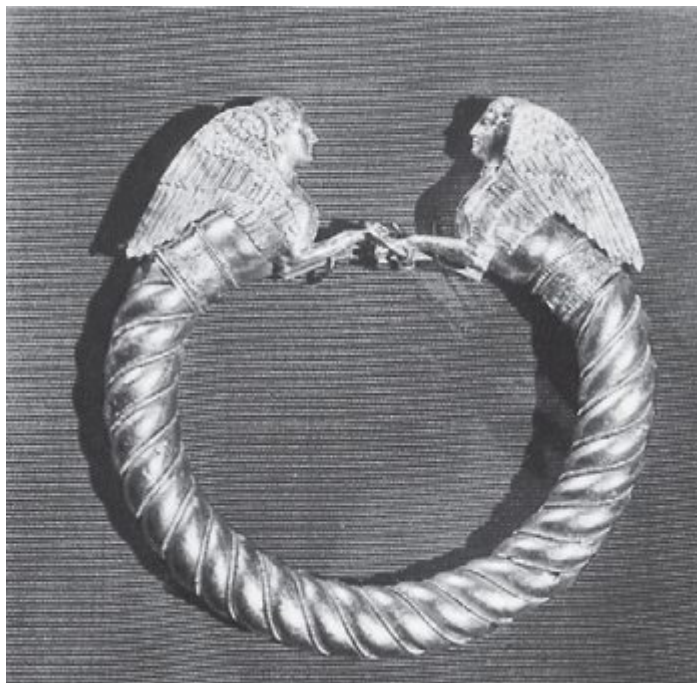
² Это был человек очень высокого роста. В отчете Дюбрюкса указано, что длина его бедренной кости равнялась 46,67 см, что соответствует общему росту более чем в 195 см.

тая чаша весом почти в 700 г, на которой изображения бородатой головы скифа чередовались с ужасными ликами Медузы Горгоны.

Илл. 5. Концы золотой гривны с фигурами скифских всадников. Курган Куль-Оба

Рядом с «царем» на каменном полу лежал скелет женщины, вероятно, жены или наложницы. Некогда ее тело покоилось в саркофаге из кипарисового дерева, украшенном резными пластинами из слоновой кости. На некоторых из них изображены сцены из древнегреческой мифологии (например, «Суд Париса») и эпизоды скифской охоты на зайцев. Наряд «царицы», так же как и наряд «царя», был расшит золотыми бляшками. Голову женщины украшала электровая³ диадема и две тяжелые золотые серьги-подвески с изображением богини Афины. Здесь же удалось обнаружить и две пары других золотых подвесок – подлинных шедевров античного ювелирного искусства. Миниатюрные детали на них можно рассмотреть лишь через сильное увеличительное стекло – столь тонкой и тщательной была работа древних ювелиров. В изображениях одной из пар подвесок можно узнать сцену из гомеровской «Илиады»: Фетида и nereиды приносят Ахиллу оружие, выкованное специально для него богом огня и покровителем кузнечного ремесла Гефестом.

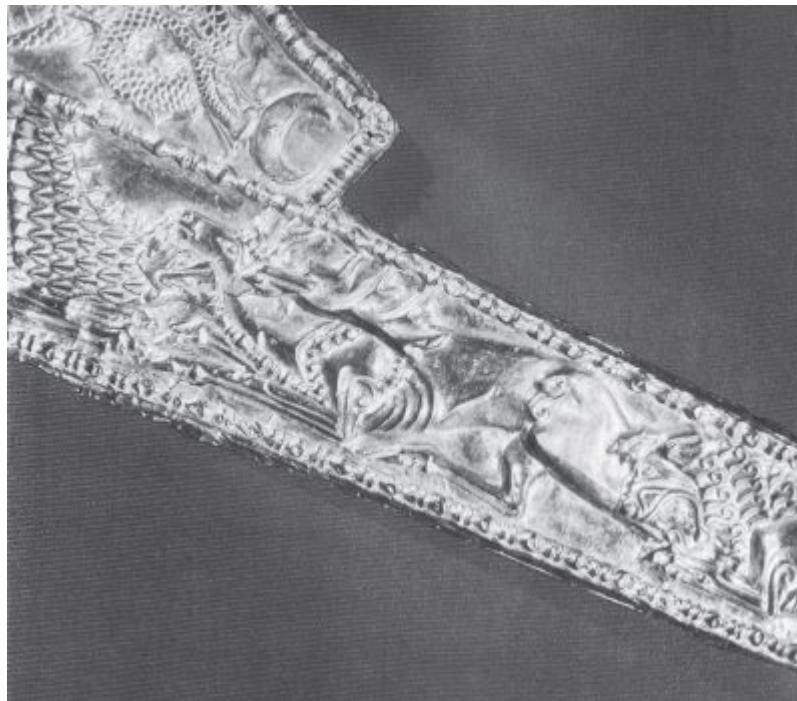

Илл. 6. Золотой браслет с фигурами сфинксов на концах. Курган Куль-Оба

³ Электр – сплав золота и серебра.

«Царице» принадлежали также другие золотые украшения: ожерелье из бус, тяжелая гривна весом почти 500 г, два широких браслета и бронзовое зеркало, на вызолоченной ручке которого выбиты звериные фигуры.

Возле ног погребенной была обнаружена самая выдающаяся находка Куль-Обы – ныне всемирно известный круглодонный электровый сосуд с фигурами скифов. Изображения на «куль-обском кубке», выполненные с поразительным реализмом и точностью, впервые позволили получить реальное представление о скифах – физическом типе этого загадочного народа, его традиционной одежде и вооружении.

Илл. 7. Деталь изображения (сцены терзания) на золотых ножнах меча. Курган Куль-Оба

Как видно на изображениях, скифы носили длинные волосы, бороды и усы. Они – явные европеоиды без каких-либо признаков «азиатчины». Их одежда, сделанная из кожи и льняной ткани, состояла из кафтана с поясом и длинных штанов-шаровар. Обувью скифам служили мягкие кожаные сапоги, перехваченные на щиколотках ремешками, на головах они носили остроконечные войлочные шапки. Изображение луков и стрел, копий и четырехугольных щитов дают нам представление о вооружении этого народа.

Илл. 8. Золотая височная подвеска с головой Афины. Курган Куль-Оба

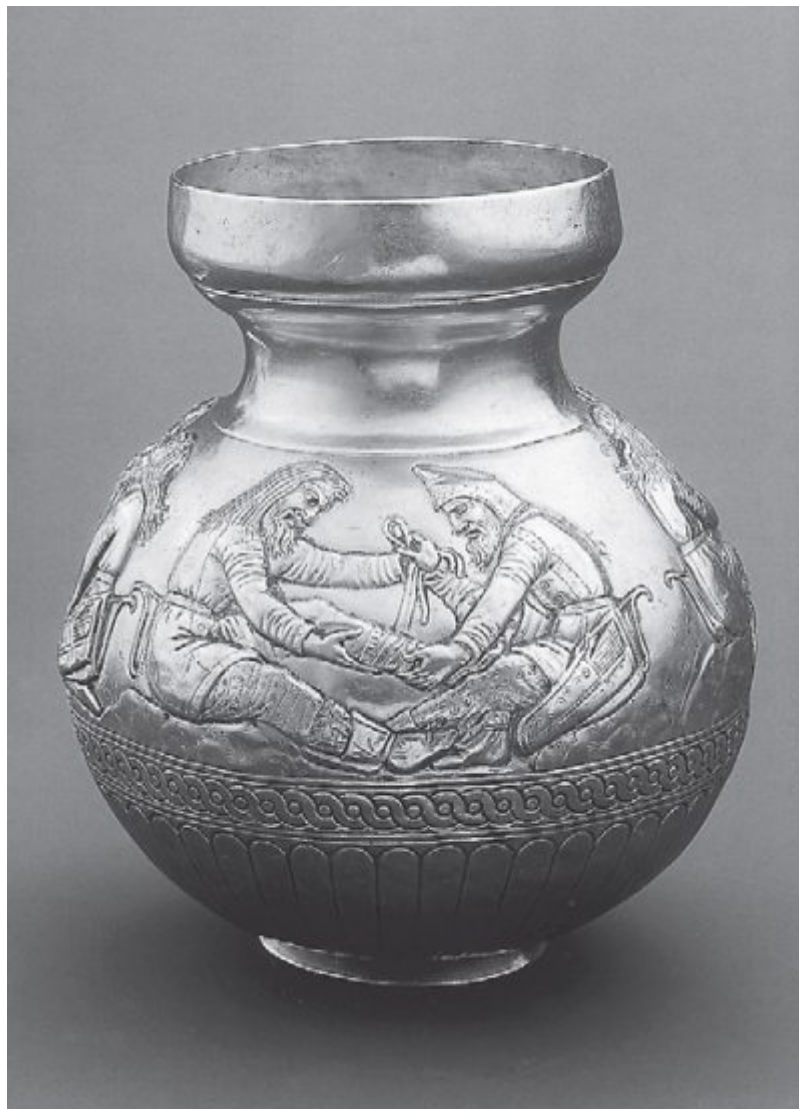
Помимо электровой вазы, изображения скифов имелись и на ряде золотых штампованных бляшек из Куль-Обы. В частности, на одной из них мы видим двух обнявшихся скифов, которые пьют из одного сосуда. Возможно, это сцена обряда побратимства, описанного античными авторами. Греческий писатель Лукиан (II в. н. э.) так повествует устами скифа Токсарида об этом обычае:

...Когда кто-нибудь избран в друзья, происходит заключение союза и [приносится] величайшая клятва – жить друг с другом и умереть, если понадобится, друг за друга. При этом мы поступаем следующим образом: надрезав себе пальцы, собираем кровь в чашу и, обнажив острия мечей, оба, держась друг за друга, пьем из нее; после этого нет ничего, что могло бы нас разъединить.

Другие золотые бляшки изображают скифов с горитом на поясе и чашей в руках, всадника с занесенным копьем, двух скифов, стоящих спиной к спине и стреляющих из луков (илл. 49, 67).

Третьим в куль-обской гробнице был захоронен слуга-конюх. Его скелет обнаружили за саркофагом «царя». Рядом с ним в специальном углублении лежали кости лошади, греческие бронзовые поножи и шлем.

У стен склепа был найден целый набор разнообразных серебряных сосудов, украшенных чеканным изображением зверей, птиц и рыб, а также серебряные тазы, блюда, ритон⁴ и килик⁵, большие бронзовые котлы, четыре греческих глиняных амфоры⁶. На полу было собрано несколько сотен бронзовых наконечников стрел и железных наконечников копий.

Илл. 9. Электровый сосуд. Курган Куль-Оба

Блеск сказочных сокровищ из Куль-Обы ослепил всю просвещенную Европу и, особенно, императорский двор в Санкт-Петербурге. Но здесь же выявились и иные, довольно печальные обстоятельства. В ходе раскопок «царского» кургана близ Керчи в одну из ночей оставленная Дюбрюксом охрана самовольно покинула свой пост, чем не преминули воспользоваться местные грабители могил. Они сумели найти и присвоить себе немало ценных вещей, часть из которых с помощью огромных усилий удалось потом вернуть и тоже отправить в столицу.

После этого стало абсолютно ясно: охотники за скифскими сокровищами, которые активно действовали в древние времена, не спят и во времена новые. Любители легкой

⁴ Ритон – ритуальный сосуд для возлияний, обычно из золота или серебра, имитирующий бычий рог.

⁵ Килик – чаша для питья вина.

⁶ Амфора – сосуд для перевозки и хранения оливкового масла и вина.

наживы стали подлинным бедствием для изучения скифских курганов. Главная причина многовековой охоты грабителей могил за скифскими курганами заключалась в необычайном богатстве скифских захоронений и, главное, в обилии золота. Русский ученый Г. Боровка писал в этой связи: «Едва ли какая-либо культура, даже «богатые златом Микены», может соперничать со скифами по количеству золота».

Таким образом, именно богатства скифских курганов издавна привлекали к себе внимание грабителей. Большинство могил было разграблено сразу же (или вскоре) после их сооружения. Древние «искатели сокровищ» прекрасно разбирались в сложной погребальной архитектуре скифских курганов, в том числе и самых крупных, высотой до 20 м и более. Они прорывали в твердом грунте длинные ходы-шахты от основания кургана, и, минуя насыпь, выходили непосредственно на гробницу. В случае удачи они уносили самые ценные предметы из золота и серебра. Иногда им не везло: могли рухнуть не выдержавшие многометровой тяжести земли своды шахты и насмерть задавить непрошенных гостей; соплеменники погребенных могли поймать осквернителей на месте преступления, и тогда жестокая расправа над теми, кто потревожил вековой сон могил, была неотвратимой. И, тем не менее, в подавляющем большинстве случаев «джентльменам удачи» неизменно сопутствовал успех, а будущих исследователей гробниц ждало по завершении дорогостоящих и длительных работ полное разочарование.

В начале XX в. выдающийся русский археолог М.И. Ростовцев с грустью писал по этому поводу: «Тяжел и часто неблагодарен труд ученого, открывающего заступом и киркой остатки прошлой жизни. Неделями копают землю десятки рабочих и находят в итоге давно уже разграбленную могилу». В 1865 г. И.Е. Забелин (исследователь знаменитого «царского» кургана Чертомлык) раскопал 14-метровый курган Козёл, но гробница его оказалась пустой. В 1891–1894 гг. Н.И. Веселовский с большим трудом добрался до погребальных камер в центре 20-метрового кургана Огуз – одного из крупнейших в Скифии – и нашел там лишь жалкие следы исчезнувших сокровищ. И этот список бесконечен. Даже ставшие теперь широко известными «царские» курганы Толстая Могила и «Гайманова Могила» на юге Украины вознаградили гигантские усилия современных археологов лишь благодаря тому, что древние грабители не обнаружили скрытые тайники, где и лежали драгоценности (золотая пектораль⁷ и серебряная с позолотой чаша с изображениями скифских вождей).

⁷ Пектораль – парадное нагрудное украшение скифского «царя».

Илл. 10. Серебряный ритон. Курган Куль-Оба, IV в. до н. э.

Таким образом, находка неразграбленного захоронения скифского «царя» или вождя представляет собой большую редкость и становится настоящей сенсацией и для ученых, и для широкой публики. За всю почти 250-летнюю историю раскопок в Северном Причерноморье обнаружены лишь считанные единицы уцелевших или частично потревоженных гробниц высшей скифской знати: Куль-Оба, Чертомлык, Солоха и Пятибратний курган № 8 у ст. Елизаветовской в устье Дона. О некоторых из них и пойдет ниже речь.

Чертомлык

После находок в Куль-Обе император Николай I, не жалея, выделяет все большие средства на раскопки древних некрополей в районе Керчи. Местные археологи Дамиан Карейша и Антон Ашик без усталости вскрывают древние курганы и склепы и добывают немало драгоценных вещей для пополнения коллекций Императорского Эрмитажа. Но, во-первых, сильную конкуренцию им составили керченские грабители могил. А во-вторых, найденное там золото было не скифским, а греческим – ведь Керченский полуостров в древности входил в состав могущественного полуэллинского, полуварварского Боспорского царства. «Кладбище» скифских «царей» следовало искать в другом месте – где-то в центре обширных причерноморских степей, где некогда кочевали скифские орды и, прежде всего, так называемые царские скифы⁸.

И вскоре подходящий объект для новых раскопок был найден. Примерно в 20 км от г. Никополя на берегу речки Чертомлык возвышался огромный курган почти в 20 м высоты и 350 м в окружности. К тому времени в Санкт-Петербурге при императорском дворе было создано первое государственное археологическое учреждение России – Императорская Археологическая Комиссия, призванная организовывать и координировать все археологические исследования в стране⁹. Именно эта Комиссия и выделила в мае 1862 г. огромную по тем временам сумму на раскопки Чертомлыка – пять тысяч рублей. Руководителем работ был назначен известный историк, специалист по средневековой русской культуре Иван Егорович Забелин. Правда, в скифской археологии познания его были сравнительно невелики.

20 мая 1862 г. раскопки 20-метрового гиганта начались. В них участвовали 86 «грабителей» (т. е. землекопов) с конными подводами. Однако объем земляных работ оказался столь велик, что за один сезон (до осенних дождей) управиться с курганом не удалось. К делу приступили вновь в июне 1863 г. Работу вели уже 116 землекопов с подводами. На глубине 12 м от уровня древней дневной поверхности нашли большую, но начисто ограбленную могилу. «Была обнаружена грабительская мина (лаз), – пишет российский археолог И.Б. Брашинский, – по которой грабители проникли к погребению вскоре же после похорон. Можно было определенно утверждать, что это были люди, знавшие, за чем они идут и куда им направлять свой подкоп.

Возможно, они сами участвовали в похоронах и знали, что любой риск для получения такой богатой добычи вполне оправдан. Однако судьба сыграла с ними злую шутку».

То ли гробница действительно была заколдована скифскими жрецами (феномен «проклятья фараона»), то ли имела место простая небрежность при рытье подземного хода, но, тем не менее, преступники были жестоко наказаны. Во время ограбления кургана произошел обвал земли и один из злоумышленников был задавлен насмерть. Его скелет и нашли рабочие И.Е. Забелина. Обвал помешал искателям сокровищ вынести все ценные вещи из могилы – часть из них была погребена под землей вместе с незадачливым похитителем.

⁸ Согласно Геродоту, царские скифы – самое могущественное племя Скифии, из знатных родов которого избирались верховные правители страны; все другие племена (и скифские, и нескифские) царские скифы рассматривали в качестве своих рабов.

⁹ Императорская Археологическая Комиссия была создана в 1859 г.

Илл. 11. Золотая бляха с богиней, сидящей на троне с зеркалом в руке и пьющим из ритона скифом. Курган Чертомлык, IV в. до н. э.

В проделанной грабителями шахте удалось найти подлинные шедевры древнего ювелирного искусства: множество золотых нашивных бляшек, украшавших одежду погребенного, шесть мечей с обложенными золотой фольгой рукоятями, золотую обкладку деревянных ножен меча с изображением битвы эллинов с варварами. Но самой важной находкой была великолепная золотая обивка горита. «Тонкая золотая пластина, – отмечает И.Б. Брашинский, – украшена несколькими поясами рельефных изображений. На верхнем фризе показаны сцены борьбы животных: львицы и быка, вепря и льва; здесь же можно увидеть, как пантера терзает дикого козла, а на другой сцене пантера и лев – олени».

Наибольший интерес представляют два широких средних фриза, целиком заполненные различными сценами из мифов о жизни величайшего из греческих героев – легендарного Ахилла, сына морской богини Фетиды и мирмидонского царя Пелея. Наверху слева изображено обучение еще совсем юного героя стрельбе из лука. Центральное место на этом горите занимает драматическая сцена на о. Скирос, когда Ахилл был опознан ахейским посольством. Сюжет этой сцены заимствован из легенды, по которой мать героя богиня Фетида, желая спасти сына от участия в Троянской войне, где, по предсказанию, ему суждено было погибнуть, скрыла Ахилла у царя о. Скироса. Там он проводил время среди царских дочерей, облаченный в женскую одежду. У одной из них, Дидамии, от Ахилла родился сын Неоптолем. Между тем война с троянцами, которая, как известно, велась греками из-за прекрасной Елены, похищенной супруги царя Менелая, складывалась для них неудачно. Тогда они решили во что бы то ни стало разыскать храбрейшего из героев и привлечь его к участию в войне. На поиски был отправлен «хитроумный» Одиссей, придумавший такую уловку для разоблачения Ахилла. Он явился во дворец Ликомеда под видом торговца, разложил перед дочерьми царя женские украшения и, подложив к ним оружие, приказал неожиданно подняться боевой клич. От неожиданности Ахилл, охваченный воинственным душевным порывом,

вом, схватил меч и сбросил женское платье. Разоблачив себя таким образом, он был вынужден примкнуть к походу греков.

Сцена на горите изображает Ахилла, сбрасывающего женские одежды и хватающего меч. Слева от него сидит Одиссей со своими товарами. Справа – женщина, удерживающая за развешивающиеся одежды испуганную Дидамию... Левее Одиссея сидит жена царя Ликомеда и утешает пришедшего к ней испуганного мальчика – Неоптелема.

Может возникнуть вопрос, почему на предмете, предназначенном для скифа, были изображены сцены из жизни греческого героя? Вероятно, это объясняется тем, что культ Ахилла был весьма популярен в Северо-Запад-ном Причерноморье и мог проникнуть оттуда и в скифскую среду. Ведь, согласно одной из версий легенды, Фетиде удалось увести Ахилла с горящего похоронного костра и перенести его на о. Левку (совр. о. Змеиный) в устье Дуная, где он еще долго продолжал жить в обществе других обожествленных героев.

Интересно, что после находки золотой обивки чертомлыцкого горита в разных местах на далеком расстоянии друг от друга были найдены еще три абсолютно такие же – сначала в кургане у с. Ильинцы (теперь Винницкая обл.), а затем в Мелитополе и около ст. Елизаветинской в дельте Дона. Как видим, территория их распространения весьма широка – от Днепра до Дона. Выяснилось также, что это копии одной вещи. Как полагают, мастерская, изготавливавшая дорогие золотые украшения для высшей скифской знати, находилась в Пантикапее (совр. Керчь), и в ней работал выдающийся греческий художник. Нетрудно представить себе, какие несметные богатства находились в ограбленной могиле, если даже то, что не успели унести грабители, было столь ценным.

Илл. 12. Деталь изображения на золотой пластине горита. Курган Чертомлык

Терпение археологов, продолжавших изучать разграбленное погребение, было вскоре щедро вознаграждено. Погребальное сооружение Чертомлыцкого кургана представляло собой сложный подземный лабиринт: от каждого угла центральной могильной ямы отходили большие боковые подземелья, которые оказались не тронутыми расхитителями. По-видимому, к моменту ограбления входы в них были завалены землей, что и спасло их от непрошенных гостей. В нишах обнаружено множество различных предметов, золотых и серебряных украшений – шейных гривен, перстней, браслетов, бляшек, украшавших одежду (одних золотых бляшек было найдено около 2500), бронзовых наконечников стрел, ножей и т. д. В трех подземельях обнаружены и захоронения. Особенно богатым оказалось одно из погребений, где были похоронены женщина и мужчина – наложница (или жена) «царя» и его виночерпий. На скелете «царицы» найдены богатые украшения и остатки роскошного наряда. Но самой выдающейся находкой стала прославившая Чертомлыцкий курган большая серебряная с позолотой ваза, известная теперь во всем мире под названием «чертомлыцкой амфоры». Вся поверхность сосуда покрыта позолоченными рельефными изображениями – птиц, сидящих на цветах и побегах, крылатых грифонов с орлиными головами и телами львов, терзающих оленя. Но самые ценные для историков изображения – живые и реалистичные сцены ловли скифами диких коней. Как и на куль-обском кубке, скифы представлены здесь с длинными волосами и бородами, одетыми в кафтаны, шаровары и мягкие сапоги. Создатель чертомлыцкой вазы, очевидно, был прекрасно знаком со скифами, с их жизнью и бытом.

По времени Чертомлыцкий курган близок Куль-Обе. Он относится к третьей четверти IV в. до н. э. Чертомлык представлял собой сложный погребальный комплекс и служил усыпальницей могущественного скифского царя, похороненного со всей пышностью скифского царского погребального обряда. Помимо главной ограбленной могилы, в которой был похоронен «царь», и упоминавшейся выше усыпальницы «царицы» и виночерпия, под курганной насыпью было открыто еще пять могил: в трех из них похоронено 11 коней в богатых уздечных уборах, украшенных золотыми и серебряными бляхами, а в остальных двух – конюхи или оруженосцы с полными стрел колчанами и тоже в богатых нарядах.

Резонанс от чертомлыцких раскопок был огромен, а драгоценные находки из этого скифского кургана заняли достойное место в коллекции Эрмитажа в Петербурге.

Илл. 13. Серебряная ваза. Курган Чертомлык

Солоха

Следующим выдающимся открытием в области скифской археологии стало исследование гигантского степного кургана Солоха близ г. Никополя (с. Большая Знаменка). Высота кургана превышала 18 м. Раскопки его велись два года – 1912 и 1913. Руководил работами профессор Петербургского университета Николай Иванович Веселовский.

Уже внешний осмотр выявил наличие ям и западин на склонах – следы деятельности грабителей. По всем признакам, курган был ограблен. Это, однако, не смутило Н.И. Веселовского. Богатый опыт археолога подсказывал ему, что грабителям редко удавалось ограбить могилу начисто, что-нибудь да оставалось ими незамеченным – тайник ли, боковая ли могила, или что-нибудь еще. Кроме того, исследователь знал, что под столь могучей насыпью чаще всего бывает не одно, а несколько захоронений, и маловероятно, почти исключено, чтобы вора, орудовавшим под толщей земли вслепую, подобно кротам, да притом еще в страшной спешке из-за боязни быть застигнутыми на месте преступления, а то и погребенными заживо, удалось найти и опустошить все могилы.

Когда в результате долгой и изнурительной работы была, наконец, снята часть насыпи кургана и достигнут уровень материка¹⁰, археологи обнаружили огромную могильную яму площадью около 27 м² и глубиной до 6 м. Когда могилу расчистили, оказалось, что она, как и следовало ожидать, была ограблена. О ее былом богатстве говорили оброненные грабителями золотые нашивные бляшки от одежды, золотая иголка, а также серебряная чаша для вина – килик с греческой надписью на нем. Судя по найденной игле, здесь была похоронена знатная женщина, возможно, скифская «царица». В боковой нише могилы археологи нашли большой медный котел и железную тележку на колесах с сеткой для поджаривания мяса для участников поминального пиршества. Рядом с центральной могилой обнаружили захоронение двух коней в богатом уборе: золотые налобники в виде рыб и нащечники в виде крыльев.

Многие признаки, однако, показывали, что тайны Солохи не исчерпываются открытыми погребениями. Археологи предположили, что под курганом должна быть, по меньшей мере, еще одна могила. В 1912 г. время и средства не позволили продолжить раскопки. Они возобновились лишь на следующий год, который принес сенсационные открытия.

Выяснилось, что через некоторое время после насыпки кургана (его высота составляла тогда 15 м) над могилой, открытой в 1912 г., часть курганной насыпи была снесена до основания и вырыта новая, не менее грандиозная могила. После совершения в ней погребения, курган досыпали уже над обеими могилами и еще более увеличили его в размерах.

В этой второй боковой могиле покоился скифский «царь». Его гробница представляла собой сложное подземное сооружение. Длинный (более 10 м) подземный коридор вел из глубокой шахты, или колодца со ступеньками, в обширную погребальную камеру – настоящую пещеру с тремя боковыми нишами. В самую большую из этих ниш и было помещено тело «царя», а две другие предназначались для погребального инвентаря: здесь находились различные предметы, главным образом, посуда. Кроме того, в боковой стенке главной ниши был вырыт тайник, в котором спрятали особенно ценные вещи. Царское погребение оказалось совершенно потревоженным – все лежало в том порядке, как и тысячи лет назад.

Снова, как и при раскопках Куль-Обы и Чертомлыка, исследователи были ослеплены обилием золота и серебра. Руки погребенного «царя» украшали пять золотых браслетов, шею – массивная золотая гривна с львиными головками на концах. На золотых бляшках, украшающих одежду, мы снова встречаем изображение обряда побратимства, знакомого нам по Куль-Обе: два скифа пьют из одного рога.

¹⁰ Уровень материка – это уровень нетронутой естественной почвы без следов деятельности человека.

Рядом с погребенным «царем» лежал его меч с золотым эфесом в обложенных золотом ножнах, и греческий бронзовый шлем. Но особенно интересен один из рельефов на серебряных пластинах горита, в котором оказалось 180 бронзовых наконечников стрел. Здесь изображен бой между конными и пешими воинами, судя по одежде и вооружению – варварами. Воины вооружены короткими мечами и боевыми секирами, одеты они в подпоясанные кафтаны, отороченные мехом, и длинные штаны. И у всадников, и у пеших воинов – длинные, ниспадающие на плечи волосы, однако всадники бородаты, а пешие все безбороды. Победу одерживают пешие воины.

В склепе была найдена и посуда – шесть серебряных чаш и большой деревянный сосуд, обитый золотыми рельефными пластинками. Одна из чаш украшена изображением сцены охоты конных скифов на львов.

Вместе со своим владыкой были похоронены и его насильственно умерщвленные слуги – оруженосец и виночерпий, а также пять царских коней с конюхом. В больших медных котлах лежали кости животных, рядом стояли греческие амфоры, в которых некогда было вино.

Самой выдающейся находкой в кургане, прославившей его на весь мир, был золотой гребень, лежавший у изголовья «царя». Массивный предмет весит около 300 г, его высота 12,3 см, а ширина 10,2 см. Девятнадцать длинных четырехгранных зубьев соединены фризом из фигур лежащих львов. А над ним расположена изумительная скульптурная группа из трех сражающихся воинов.

С первого же взгляда не остается сомнения в том, что это скифы. Они длинноволосы и бородаты, одеты в характерные скифские одежды – кафтаны, длинные шаровары и мягкие сапоги. У двоих из них поверх кафтанов одеты панцири, а у третьего воина, по-видимому, «царя», на голове изображен греческий шлем, а на ногах – поножи-«кнемиды». С большой точностью переданы предметы вооружения скифов – щиты разной формы и конструкции, гориты с луками и стрелами, короткие скифские мечи и их ножны, копье.

Солохский гребень – уникальный шедевр искусства, не имеющий себе равных во всем мире. По всей видимости, его изготовил выдающийся греческий мастер, работавший в Северном Причерноморье и прекрасно знакомый со скифами. Конечно, он выполнял заказ высшей скифской знати, учитывая ее интересы и вкусы, но применяя при этом все достижения эллинского искусства.

Грандиозные размеры погребальных сооружений Куль-Обы, Чертомлыка и Солохи и обнаруженные в их могилах социально значимые драгоценные предметы (зачастую полностью совпадающие) свидетельствуют о том, что эти курганы принадлежали скифским «царям». Именно к такому предположению и пришли некоторые современные исследователи: А.Ю. Алексеев (Санкт-Петербург), Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко (Киев).

После бурных событий Октябрьской революции и гражданской войны скифская археология долгое время находилась в застое и упадке. Кое-какие, весьма незначительные по масштабам, работы велись с конца 20-х г., но особых результатов они не принесли. Итоги отечественных исследований в области скифоведения до 1918 г. подвел в двух своих книгах М.И. Ростовцев¹¹. Основываясь на сравнительно ограниченном материале (только данных из раскопок курганов), он сформулировал стройную и логически безукоризненную концепцию о структуре скифского общества и государства. Согласно его теории, скифы – пришедшие откуда-то из Азии ираноязычные кочевые племена – захватили в VII–VI вв. до н. э. все Северное Причерноморье (включая степные и лесостепные области), подчинили себе местное население и создали военно-политическое объединение – государство феодального типа, где господствующее положение занимала военная знать во главе с царем. По словам ученого,

¹¹ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. – Петроград, 1918; Скифия и Боспор. – Л., 1925.

это государство было очень похоже на более поздние империи воинственных кочевников: Хазарский каганат VII–IX вв. н. э. и, особенно, татаро-монгольскую Золотую Орду (XIII в.).

Таким образом, М.И. Ростовцев считал, что в VI–III вв. до н. э. на обширных пространствах Северного Причерноморья существовала единая Скифия – государство, включавшее в себя как степные, так и лесостепные области от Дуная до Дона (плюс Прикубанье), в котором господствующее положение занимали кочевые скифы-иранцы. Поскольку академик Ростовцев был монархистом по убеждениям и к тому же эмигрировал в 1918 г. в Западную Европу, а затем в США, то его имя в советское время находилось под запретом, а основные концепции подверглись уничтожающей критике.

Илл. 14. Золотой гребень с батальной сценой. Курган Солоха, конец V–IV вв. до н. э.

Известное оживление, а затем и подъем в области скифоведения в СССР произошел лишь после 1945 г. Первоначально главными центрами по исследованию скифской проблемы были Москва и Ленинград¹². С конца 50-х и особенно в 60-е г. при Институте археологии Академии наук Украины создается и начинает успешно функционировать третий центр – Киевский¹³.

Советские археологи, вполне справедливо отметив упущения своих дореволюционных коллег, главные свои усилия сосредоточили на исследованиях поселений и городищ скифского времени, а также рядовых курганных могильников скифов. Тем не менее, долгое

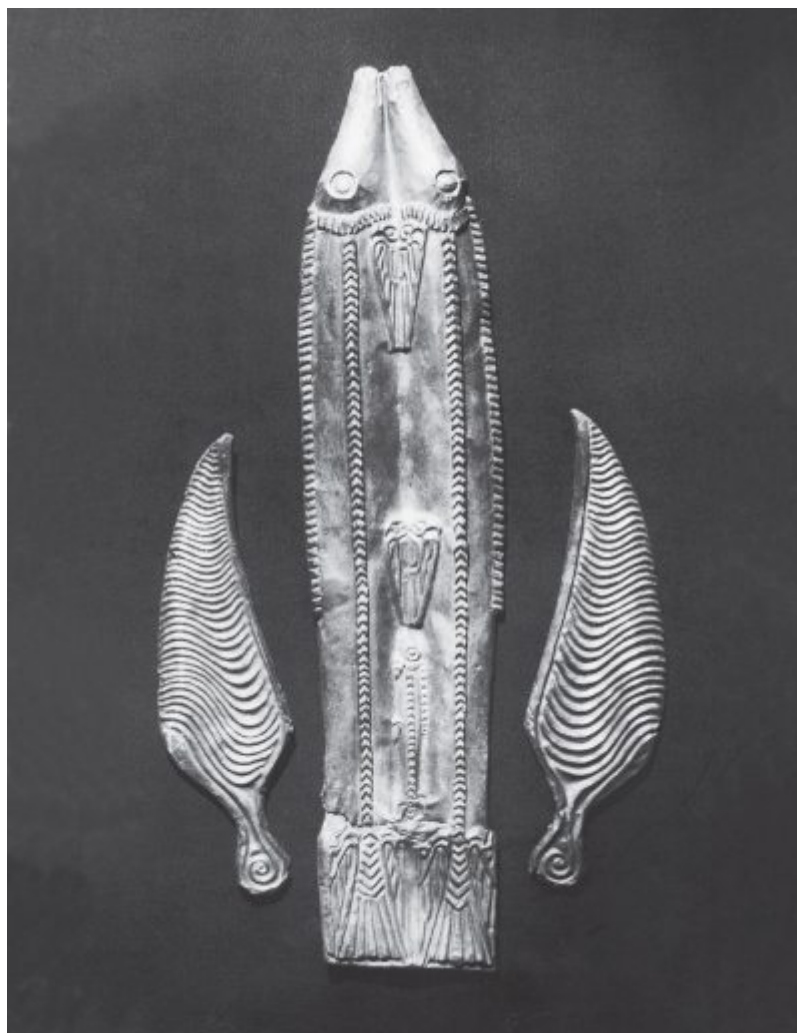
¹² Признанный лидер и основатель московской школы скифоведения – профессор Б.Н. Граков, пик научной активности которого приходится на 40-е-50-е годы XX века. Среди ведущих ученых-скифологов северной столицы можно назвать М.И. Артамонова, М.П. Грязнова и других.

¹³ Руководитель и основатель – А.И. Тереножкин, а также В.А. Ильинская.

время признавалось существование единой Скифии (в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья) и единой скифской культуры (которую во многом восприняло и аборигенное нескифское население Лесостепи). Правда, велись споры о том, какого уровня развития достигло скифское общество: был ли у скифов первобытно-общинный строй, «военная демократия» или настоящее государство. Если наличие такового признавалось, то речь могла идти только о государстве рабовладельческом.¹⁴ Ни о каком феодализме в духе Ростовцева не могло быть и речи.

Крупные перемены в отечественном скифоведении произошли в 1952 г., когда по инициативе Б.Н. Гракова в Москве было проведено Первое Всесоюзное совещание по скифо-сарматской археологии. Главный доклад, подготовленный лидером московской школы скифо-сарматской археологии и его ученицей А.И. Мелюковой, был озаглавлен «Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время». Основная идея его состояла в том, что степные и лесостепные области Северного Причерноморья (которые ранее расценивались учеными как единая Скифия) были отделены друг от друга своего рода «великой китайской стеной». Как оказалось, скифы по этносу и культуре жили только в степной зоне, а всю плодородную лесостепь от Днестра до Среднего Дона занимали «нескифские племена», известные нам из знаменитой «Истории» Геродота (V в. до н. э.) – андрофаги, невры, меланхлены, будины и др. Они имели «скифоидную» культуру, но разный со скифами этнос и язык. О наличии большого единого Скифского государства в такой ситуации говорить уже не приходилось. Тем не менее, эти идеи способствовали более углубленному изучению различных вариантов лесостепной культуры скифского времени и выделению их специфических локальных черт.

¹⁴ Такого мнения придерживались Б.Н. Граков, А.П. Смирнов и другие исследователи.

*Илл. 15. Золотой налобник в виде рыбы и два нащечника в виде крыльев.
Конское захоронение. Курган Солоха*

Широко развернулись исследования и, собственно, скифских памятников в степной Украине. Здесь следует особо отметить значение работ экспедиции во главе с Б.Н. Граковым на огромном Каменском городище (V–IV вв. до н. э.) – возможной столице Скифии в этот период – и рядовых курганных погребений в районе Никополя.

Каменское городище площадью в 120 га находится на левом берегу Днепра вблизи г. Никополя. Территориальная его связь со знаменитыми «царскими» курганами Чертомлык, Солоха, Огуз несомненна. Этот скифский город, возникший, видимо, в конце V в. до н. э., был окружен огромным земляным валом и глубоким рвом. По гребню вала прежде шла стена, сложенная из сырцового кирпича. В южной части городища находился «акрополь», также обнесенный валами и рвами. На «акрополе» были открыты руины просторных и прочных каменных домов, в которых, вероятно, жила скифская аристократия. Данные раскопок позволили предположить, что в конце V и, особенно, в IV в. до н. э. Каменское городище было главным ремесленным, торговым и административно-политическим центром Приднепровской Скифии.

Итак, успехи в изучении поселений и рядовых могил скифской эпохи в советский период были налицо. Но на раскопки курганов скифской знати, требовавших больших материальных затрат и зачастую дававших, из-за повального их ограбления, мизерные результаты, археологи долгое время не обращали никакого внимания. Между тем, таких исследо-

ваний настоятельно требовала логика развития самой скифской археологии. Ведь до 1917 г. ни один большой скифский курган не был докопан до конца (Куль-Оба, Чертомлык, Огуз, Солоха и др.). Несовершенство методов раскопок, невнимание к массовому материалу – обломкам керамики, костям животных, наконечникам стрел, плохая документация (отсутствие планов, разрезов, дневников), не могли способствовать созданию целостной археологической и исторической картины.

Новые раскопки, с использованием современной полевой методики и технических средств (бульдозеров, скреперов), открыли принципиально новый, очень важный этап в изучении захоронений высшей скифской знати. Благодаря этому были сделаны неожиданные и сенсационные открытия в Мелитопольском кургане и курганах «Пять братьев», «Гайманова» и «Толстая» Могила.

Мелитопольским курган

Открытие нового «царского» кургана произошло чисто случайно. Весной 1954 г. горожанин Мелитополя, проживавший на Первомайской улице в северо-западной части города, где еще в начале XX в. стояла большая группа древних курганов, копал во дворе своего дома колодец. Внезапно земля под ним дрогнула, и он провалился вниз, в какое-то подземелье, где обнаружил на полу несколько тонких золотых бляшек с замысловатыми рисунками. О находке сообщили в местный краеведческий музей, и его работники в ходе осмотра «подземелья» нашли там еще не один десяток золотых бляшек явно почтенного возраста. В конце мая об этом стало известно в Институте археологии Академии наук Украины, и в Мелитополь выехала большая экспедиция во главе с известным археологом А.И. Тереножкиным. Сразу же было установлено, что «подземелье» является не чем иным, как погребальной катакомбой большого кургана, в которой, судя по предварительным находкам, находилось богатое, возможно, «царское», погребение.

От самого кургана мало что осталось: большая часть насыпи была полностью скрыта и почти сплошь застроена. Лишь в центральной части сохранился останец высотой в 3 м и примыкающая к нему часть пола кургана, занятая садом. Уже первый осмотр показал, что раскопки будут связаны с большими трудностями: технике здесь негде было развернуться – остатки кургана со всех сторон зажаты жилыми и хозяйственными строениями. Копать можно было, как и во времена Забелина и Веселовского, только вручную.

Даже беглое знакомство с условиями находок не оставляло у такого опытного археолога, как А.И. Тереножкин, никакого сомнения в том, что курган был ограблен еще в древности: об этом недвусмысленно свидетельствовали и явные следы грабительского лаза. Тем не менее, он принял решение приступить к исследованию кургана. При этом ученый руководствовался непреложным правилом современной методики археологических раскопок – курган может считаться исследованным лишь тогда, когда его насыпь будет полностью удалена и все, что под ней сохранилось, раскопано до последнего сантиметра. Как бы ни был нарушен курган и его погребения временем и грабителями, он не может не сохранить для дотошного исследователя ценной информации. И археолог не ошибся. Позднее он с полным правом писал: «Подтверждается общее правило, что каждый большой скифский курган Северного Причерноморья, можно сказать, почти независимо от его сохранности, по-своему существенен для понимания материальной культуры, социально-экономического строя, торговли и культурных связей, быта и религиозных верований скифов». Раскопки кургана длились три с половиной месяца. Это были первые советские раскопки скифского «царского» кургана.

После полного удаления остатков насыпи выяснилось, что под ней находились две погребальные катакомбы: одна (то самое случайно обнаруженное «подземелье») под северной полкой кургана, другая в центре. Кроме того, рядом с центральной катакомбой находилось захоронение двух коней. Не будем подробно описывать устройство могил, отметим лишь, что они представляли собой сложные подземные сооружения, во многом схожие с аналогичными сооружениями других царских курганов, в частности Солохи.

Многое в сооружении могил, особенно центральной, указывало на то, что соплеменники тех, для кого строился последний, вечный «дом», опасались разграбления и поэтому старались надежно скрыть его от возможных осквернений. Ведь осквернение захоронений царей или вождей нередко даже самими участниками похорон, хорошо знавших, какие богатства таят в себе курганы, было в древности делом обычным. Вспомним хотя бы гробницы египетских фараонов, в которых предпринимались всевозможные хитрости для обмана грабителей. Чаше всего, однако, обман этот не удавался.

На всю высоту центральной части насыпи Мелитопольского кургана были выложены чередующиеся прослойки морской травы (камки) и земляных кирпичей, так называемых вальков. Почвоведы установили, что вальки были изготовлены из болотной почвы в долине р. Молочной, взятой на расстоянии не менее 4 км от кургана. Камка же была привезена с берега Азовского моря, с расстояния в целых 40 км. В результате получился весьма трудно проницаемый щит толщиной в несколько метров. А.И. Тереножкин пишет: «Хорошо сохранившаяся трава в этих прослойках очень сильно спрессовалась, и это создавало немалые трудности при производстве земляных работ. Не меньшей помехой явилась и твердая кладка из вальков».

Входная яма в катакомбу была выкопана на глубину более 12 м от древней поверхности. Ее завалили камнями и плитами, под которыми на дне находилась узкая щель, служившая входом в погребальную камеру. Закрытая вальками, эта щель была таким образом тщательно замаскирована. Все было сделано, чтобы затруднить доступ к погребальной камере. Однако и это не смогло остановить грабителей. И хотя время не оставило нам документов, которые бы рассказали о том, как было произведено ограбление, в процессе раскопок удалось детально восстановить ход действия грабителей. Толстый щит из вальков и камки был пробит широким грабительским ходом, который вел к входной яме в гробницу. Возможно, грабители действовали не совсем вслепую, хотя, как показывают их дальнейшие действия, деталей погребального сооружения они не знали. Но предоставим слово А.И. Тереножкину. «Прокопав входную яму до дна, – пишет исследователь, – они не смогли найти замаскированный вход в камеру. На высоте 2 м от ее дна они сделали широкую пробоину в северной стене входного колодца. Прокопав ее вбок на один метр в материковой глине, они свернули в западную сторону и почти случайно, проломив сводчатый потолок катакомбы, проникли в нее через узкий ход сверху».

*Илл. 16. Деталь изображения на золотой обкладке горита.
Курган Мелитопольский, IV в. до н. э.*

После того как погребальная камера была расчищена археологами от завалов, открылась картина полного опустошения. Если не считать находок отдельных бронзовых наконечников стрел, чешуек железного панциря, костей, да мельчайших золотых лепестков, камера

была пустой. Лишь поперек коридорчика, ведущего из входной ямы в погребальную камеру, лежали остатки скелета ребенка 7–8 лет, при котором также никаких вещей не оказалось. На этом, как будто, можно было бы поставить точку. Но жизнь показала, что это не так. После полной расчистки пола камеры археологам удалось заметить то, на что грабители не обратили внимания, – едва заметное понижение. Здесь находился небольшой тайник, глубиной всего лишь в 20 см, но он во многом вознаградил упорный и нелегкий труд археологов. В тайнике лежал истлевший горит с превосходно сохранившейся золотой обивкой (обкладкой), украшенной уже знакомыми нам по Чертомлыку мифологическими сценами из жизни Ахилла. В горите было около 70 бронзовых наконечников стрел с остатками древков, раскрашенных поперечными красными полосками. На горите и под ним лежали 50 золотых бляшек – остатки портупей – с вытесненными изображениями сидящей на троне богини и стоящего перед ней скифа с ритонном в руках. Кроме того, здесь же находился бронзовый боевой пояс.

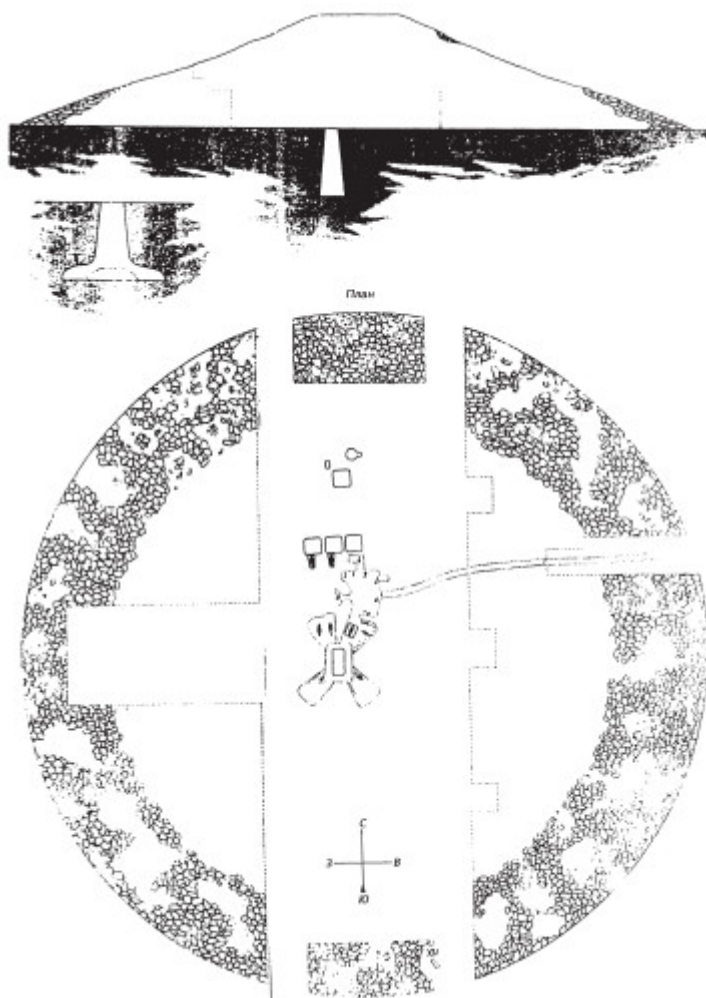
Мелитопольская золотая обивка горита оказалась точным повторением обивок налучий¹⁵, найденных ранее в Чертомлыцком и Ильинецком курганах. Стало совершенно очевидно, что ильинецкая находка не была случайной, что роскошное налучье со сценами из мифологического цикла об Ахилле было не уникальным произведением искусства, а изготовлялось серийно с одной матрицы. Через несколько лет это подтвердилось четвертой находкой точно такой же обивки. Но об этом речь впереди. Рядом с центральным погребением была обнаружена могила с захоронением двух коней с бронзовыми украшениями уздечек и седел.

Даже то небольшое, что сохранилось в центральном погребении Мелитопольского кургана, прежде всего, конечно, вещи из тайника, не оставляет сомнений в том, что это погребение «царское», аналогичное захоронениям в Куль-Обе, Чертомлыке и Солохе. Но, в отличие от них, курганный насыпь здесь была гораздо ниже: первоначальная ее высота едва ли превышала 6–7 м, тогда как три названных выше кургана имели 18–20 м в высоту. Вероятно, в Мелитополе был похоронен «царь» более низкого ранга.

Второе погребение в кургане принадлежало знатной скифянке – «царице». Оно тоже было ограблено, но не так сильно, как первое. От полного разграбления «царицу» спасло то, что когда к ней проникли грабители, потолок гробницы обвалился и покрыл собою ее останки. «Чтобы добраться до скелета, – пишет А.И. Тереножкин, – грабители вынуждены были копать над ним землю. Орудя в темноте, в опасных условиях, они смогли, очевидно, выбрать из могилы лишь крупные целые вещи, выбросив при этом с землею много мелких золотых украшений и других предметов». Несмотря на ограбление, при расчистке могилы археологи нашли более 3500 золотых предметов: бляшек, подвесок, бусин и т. д. Каким же богатым должно было быть захоронение до ограбления!

Грабители не полностью потревожили гробницу, так что картину похоронного ритуала удалось восстановить более или менее точно. «Царица» – пожилая женщина – лежала в большом деревянном гробу, одетая в платье и головной убор, расшитые золотыми бляшками. Ее голова, шея, руки и ноги были унизаны золотыми украшениями. У изголовья гроба стояли ритуальные сосуды.

¹⁵ Налучье – то же самое, что и горит (чехол для лука и колчана со стрелами).

Илл. 17. Курган Чертомлык. План и разрез

Коридор, который вел в погребальную камеру, не был затронут грабителями – по опыту они знали, что здесь едва ли можно рассчитывать на богатую добычу. Там на узком деревянном помосте лежал скелет рабыни, покрытый циновкой из камыша. Кисти рук женщины были конвульсивно сжаты, что свидетельствовало о ее насильственном умерщвлении. Рядом с ней находились остатки деревянного ярма, а вокруг стояли 11 амфор и бронзовый котел, наполовину заполненный костями разрезанной на большие куски овцы. Во входной яме лежали остатки погребальной повозки.

Мелитопольский курган стал первым с дореволюционной эпохи «царским» скифским курганом, который был досконально изучен советскими археологами по всем правилам современной методики раскопок. Дальнейшие события, связанные с историей исследования гробниц высшей скифской знати, происходили уже не в Приднепровье, а на Дону.

«Пять братьев» (курган № 8)

Группа курганов «Пять братьев», об одном из которых и пойдет речь ниже, еще совсем недавно гордо возвышалась на берегу Дона близ хутора Колузаево, неподалеку от известного Елизаветовского городища. Своими размерами (высота их от 7 до 12 м, а диаметр 60–70 м) эти курганы заметно выделялись среди окружавших их многочисленных более мелких насыпей, придавая неповторимый колорит простирающейся вокруг плоской зеленой равнине. Теперь, в результате раскопок и строительных работ, почти все они исчезли. Продолжает нести свою тысячелетнюю вахту лишь один – самый большой из них. На кургане расположено современное кладбище, и он все еще ждет разгадки тайн, погребенных под его гигантской земляной шапкой.

В 1959 г. экспедиция Института археологии Академии наук СССР, возглавляемая В.П. Шиловым, начала раскопки курганный группы «Пять братьев». Особенно выделялся своими размерами курган № 8, находившийся в южной части группы. Высота его достигала 9 м, а диаметр – 62 м. Ученые, приступая к исследованию этого земляного исполина, не питали особых надежд на сенсационные находки. Из старых отчетов Императорской Археологической Комиссии было известно, что в 1871 г. именно этот курган копал таганрогский археолог П.И. Хицунов, а до него здесь в XVII или XVIII вв. уже успели побывать грабители, о чем красноречиво свидетельствовала огромная заплывшая воронка чуть в стороне от центра холма. Предшественнику В.П. Шилову удалось обнаружить на глубине 9,6 м каменную гробницу, перекрытую дубовыми бревнами. Она оказалась абсолютно опустошенной грабителями. На полу лежал скелет коня в полной сбруе и несколько золотых бляшек. Тогда П.И. Хицунов решил, что он достиг конечного результата и приказал прекратить дальнейшие работы. Вот что записал он в своем полевом дневнике: «Когда в глубину достигли 3 сажень (т. е. 6,4 м) при самой трудной и опасной работе, то показались толстые, совершенно истлевшие пласты тростника и камыша, которыми, вероятно, покрыта была гробница.

Она действительно вскоре и обнаружилась под тростниковой настилкой; заметны были деревянные перекладины на бывшем потолке гробницы <...> Итак, на глубине 4 $\frac{1}{2}$ сажень (9,6 м) от поверхности кургана, не в центре, однако же, оно, а на окружности, на материке, оказалась обширная каменная гробница <...> Грубо, без цемента сложенные стенки ее из дикарного камня, вероятно, от тяжести налегавших верхних слоев кургана местами покосились и разрушились. Вся правая сторона гробницы и середина оказались пустыми и ничего, кроме песка и глины, перемешанных с истлевшим деревом и камышом, не содержали, даже костей человеческих и лошадиных. Между тем, как в левой стороне ее собрано несколько лошадиных костей и при них беспорядочно раскиданных бронзовых украшений от конской сбруи».

Илл. 18. Золотой перстень с грифоном. Пятибратный курган № 8, IV в. до н. э.

Тем не менее, в 1959 г. было решено провести полные раскопки этого кургана «на снос» с помощью мощных землеройных машин – бульдозера и скрепера.

Высокая насыпь была снята довольно быстро, и под ней открылся квадратный каменный склеп, перекрытый мощным накатом из дубовых бревен (их диаметр достигал 60 см). К склепу вел каменный же коридор-дромос¹⁶ почти 15-метровой длины.

Южная половина склепа (в ней и побывал П.И. Хицунов) была начисто ограблена. Здесь удалось обнаружить только череп и кости ног пожилого мужчины, обломки бронзового котла, несколько железных наконечников копий и дротиков, а также кости лошади со следами окиси меди.

Но зато в северной части гробницы, заваленной обломками рухнувшего перекрытия, археологи совершенно неожиданно для себя обнаружили нетронутое погребение скифского «царя» с массой драгоценных вещей. На каменном полу, покрытом остатками сгнившей циновки, лежал на спине головой на запад скелет молодого мужчины. На черепе погребенного и вокруг него находились золотые нашивные бляшки от головного убора, на шее – массивная золотая гривна, концы которой украшали фигурки барсов, а также ожерелье из золотых колечек и медальонов. Вся одежда «царя» и даже его сапоги из тонкой кожи были покрыты золотыми штампованными нашивными бляшками с разнообразными изображениями. На фалангах пальцев рук сохранилось несколько золотых перстней.

Безутешные подданные умершего правителя не только облачили его в роскошные одежды, сплошь обшитые золотом, но и позаботились о пребывании «царя» в загробном мире. В гробницу был помещен целый арсенал: 16 колчанов со стрелами (и среди них не только с бронзовыми, но и с железными втульчатыми трехлопастными наконечниками). Всего их было 1064. У левого бедра царственного покойника лежали золотая обкладка горита и железный, в деревянных ножнах, меч, ножны и рукоять которого были обтянуты золотыми пластинами со штампованными изображениями. Кроме того, сюда же поместили три копья с железными наконечниками и «рюмкообразными» втоками¹⁷, множество дротиков и кинжал. Защитное вооружение представлено парой бронзовых греческих поножей и двумя боевыми поясами из бронзовых пластин, нашитых на кожу.

Рядом с умершим положили и драгоценные культовые сосуды для возлияний: гладкий серебряный кубок, сходный по форме с куль-обским и «воронежским» сосудами, и серебряный килик. Заупокойная пища состояла из разрубленной на куски туши лошади, а стоящие рядом 14 греческих глиняных амфор (в дромосе) были способны вместить до 120 л вина. Судя по клеймам на этой винной таре, захоронение было совершено в третьей четверти IV в. до н. э.

¹⁶ Дромос (греч.) – коридор, вход в гробницу.

¹⁷ Вток – железная оковка тыльной части древка копья.

Илл. 19. Реконструкция костюма «царя». Пятибратный курган № 8

Около входа в склеп и внутри него в беспорядке на полу лежала целая груда золотых вещей – золотые пластины, бляшки, бусины – всего около 1273 драгоценных предметов. По мнению В.П. Шилова, здесь стоял когда-то деревянный ларец, в который слуги уложили парадную одежду, головные уборы и украшения. Всего же в склепе было обнаружено свыше 4000 предметов и из них 1715 золотых. Общий вес золотых изделий из кургана № 8 «Пяти братьев» превышал 2 кг. Однако материальная стоимость находок не идет ни в какое сравнение с их художественной и научной ценностью.

Среди найденных сокровищ особенно выделяются золотая обивка горита и ножен – подлинные шедевры, сотворенные руками древнегреческих мастеров.

*Илл. 20. Меч в золотых ножнах с золотой рукоятью.
Пятибратный курган № 8, IV в. до н. э.*

На золотой пластине, украшавшей деревянные ножны, художник изобразил битву греков со скифами. Как видно, сражение складывается далеко не в пользу эллинов, поскольку их начальник («стратег») в высоком шлеме и панцире вызывает подкрепление. Он не замечает опасности, которая грозит ему со стороны стоящего рядом скифского вождя, уже занесшего свой меч для решающего удара.

Золотая оковка горита, как уже говорилось выше, полностью воспроизводит сюжеты, запечатленные на таких же золотых пластинах из Чертомлыка, Мелитополя и Ильинцов. Главный мотив здесь – картины из жизни греческого героя Ахилла.

Именно эти две вещи – горит и меч – позволили ученым придти к выводу о том, что могила в кургане № 8 группы «Пять братьев» принадлежала скифскому «царю». Курган № 8 важен для нас еще и тем, что это пока единственный нетронутый погребальный комплекс представителя высшей скифской знати на всей территории Подонья – от Воронежа до Ростова-на-Дону.

В конце 60-70-х г. на территории степной (Южной) Украины начались широкомасштабные ирригационные работы – возведение каналов, водохранилищ, плотин и дамб. При этом в зону строительства попадало множество памятников археологии, в том числе и скифских курганов. Согласно существовавшему тогда законодательству о сохранении историко-культурного наследия страны, все государственные учреждения и организации, которые в ходе своей деятельности могли создавать угрозу разрушения или порчи археологических объектов, обязаны были выделять необходимые средства на полное исследование данных древностей. Деньги на такие работы отпускались по тем временам колоссальные. Были организованы десятки новых археологических экспедиций, и счет раскопанным скифским курганам (главным образом небольшим) стал вестись на сотни и даже тысячи. Объем полученной при этом информации во много раз превосходил все то, что было сделано в предшествующий период¹⁸.

¹⁸ Однако своевременно обработать и ввести в научный оборот такую массу материала так и не удалось. О достижениях и проблемах археологии в степной зоне Украины тех лет красочно рассказал в своей научно-популярной книге известный археолог А.М. Лесков (Курганы: находки, проблемы. – Л.: Наука, 1981).

«Гайманова Могила»

Отдел скифо-сарматской археологии Института археологии Академии наук УССР, возглавляемый А.И. Тереножкиным, несмотря на обилие работы с рядовыми захоронениями, не упускал из сферы своих интересов и дальнейшее изучение больших «царских» курганов Скифии. Северо-Рогачикская экспедиция, которую он возглавлял, работала на новостройках Запорожской области.

Здесь, у с. Балки находилось до 20 курганных групп. Особое внимание археологов привлекла одна из них, состоявшая из 46 невысоких насыпей, среди которых одиноко возвышался восьмиметровый исполин, известный среди местных жителей под названием «Гайманова Могила».

В 1967 г. начались раскопки малых курганов данной группы. А потом неотложные дела призвали А.И. Тереножкина в Киев, и он поручил руководство экспедицией В.И. Бидзилье – археологу, научные интересы которого были весьма далеки от скифской тематики. Еще со студенческой скамьи его интересовали только древние славяне. Но квалифицированных кадров археологов на новостройках, где требовалось в сжатые сроки провести огромный объем исследований, катастрофически не хватало, и В.И. Бидзилю тоже «мобилизовали» в с. Балки. Впрочем, этот ученый имел за плечами большой опыт работ на археологических памятниках всех эпох.

Летом 1969 г. экспедиция раскопала 22 малых кургана, но все они оказались начисто ограбленными. Это не внушало оптимизма и по отношению к «Гаймановой Могиле», поскольку, по своему горькому опыту, археологи хорошо знали, что именно большие скифские курганы, скрывающие в себе сказочные богатства, в первую очередь привлекали к себе внимание искателей сокровищ. «Гайманова Могила» и манила к себе ученых, и отпугивала: раскопки кургана требовали огромных затрат сил и средств, а вероятность успеха была весьма сомнительна.

И все же В.И. Бидзиля решил приступить к исследованию. Курган представлял собой огромное конусовидное сооружение высотой более 8 м, диаметр его превышал 70 м. Слой за слоем снимал бульдозер гигантскую шапку кургана, а археологи тщательно фиксировали все, что находили в земле.

На глубине 4 м от вершины насыпи показалась каменная крепида¹⁹. Еще ниже, на уровне древней дневной поверхности, стали открываться следы заупокойной тризны: огромное количество лошадиных и овечьих костей, раздавленные амфоры, остатки уздечных наборов, наконечники стрел.

Появился и грабительский лаз. Как выяснилось позднее, он вел прямо в погребальную камеру. Археологи же все глубже «вгрызались» в землю и, наконец, на глубине 8 м от уровня древнего горизонта, вошли в гробницу. При входе лежали остатки деревянной погребальной повозки. В стенке камеры была обнаружена хозяйственная ниша, заполненная разной утварью: большой медный котел для варки мяса, крюк, бронзовое блюдо, большой поднос с кувшином для вина, киликом и ситечком для процеживания вина, небольшая жаровня и железные щипцы. В нише лежал скелет удушенного повара или виночерпия (здесь же стояли греческие амфоры для вина). Сама же погребальная камера была полностью ограблена. Несколько сот оброненных грабителями мелких золотых украшений, да золотой перстень свидетельствовали об огромных богатствах, лежавших здесь когда-то.

Вот что пишет об этом сам первооткрыватель – Василий Бидзиля:

¹⁹ Крепида – огромная кольцевая стенка, сооруженная для предотвращения оползания насыпи кургана, состоит из больших вертикально вкопанных в землю белых известняковых плит.

«Грабитель разворошил все содержимое усыпальницы, но все же можно было воссоздать общую картину. Видимо, здесь были погребены 4 знатных лица: 3 из них в центральной камере и 1 – в боковой нише – женщина. Весь саркофаг ее был покрыт красной и голубой росписью золотыми набивными пластинами, часть которых сохранилась на дне ниши. Возле головы богатой скифянки стояло деревянное блюдо с жертвенным овечьим мясом и железным ножом. Ожерелье из пастовых и золотых бус было рассыпано вокруг останков покойной.

В центральной части катакомбы рядом с двумя мужскими скелетами лежали железные наконечники копий и кожаные пояса, украшенные бронзовыми пластинами. Грабителям не все удалось унести: изящные кожаные башмаки, обшитые треугольными золотыми пластинами (их всего 43), остались на месте. Дело в том, что в древности часть катакомбы обвалилась, и земля надежно спрятала многие вещи <...> В восточной части ямы, почти у входа в нее, лежал скелет боевого коня в богатом уздечном наборе из бронзовых блях, нащечников и железных удиц. Возле лошади покоились останки двух юношей-слуг <...>

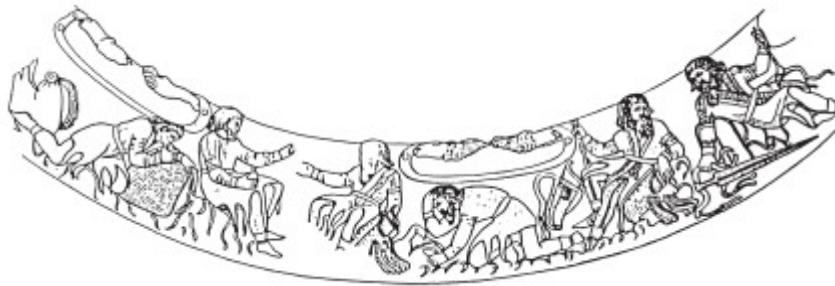
Теперь предстояло разобрать осыпь земли и увидеть то, что не смог забрать вор. В боковой нише гигантской земляной гробницы – в этом небольшом пространстве в три метра длиной и около полутора метров шириной – были сложены многочисленные предметы «кухонной» утвари. В дальнем углу стояли две амфоры, а между ними бронзовое плоское блюдо. В центре – громадный бронзовый литой котел, наполненный лошадиными костями, а под ним – маленький бронзовый котелок на небольшой ножке. Слева от котлов располагался <...> круглый бронзовый поднос, на котором лежало бронзовое ситечко для процеживания вина, бронзовый кувшин, украшенный рельефными изображениями сатира и Вакха. Тут же находилась бронзовая ажурная жаровня, бронзовая чашечка для вина и железные щипцы для вынимания мяса из котла. Между большим котлом и подносом стояло великолепное бронзовое ведро. Такое обилие и разнообразие бытовой посуды в захоронениях скифских царей встречается крайне редко <...> Вместе с этим «кухонным сервизом» был погребен и слуга. Он был вооружен тремя стрелами, копьем и пращей, а вдоль его груди лежал железный боевой пояс».

Открытое погребение находилось в северной половине кургана и являлось боковым. Требовалось раскопать и южную половину. Но начались осенние дожди, решено было отложить дальнейшие работы до будущего года. Осталось лишь провести чертежные и фотографические работы в раскопе. И вот, один из сотрудников экспедиции, Б.Н. Мозолевский, при зачистке земляной стенки катакомбы обнаружил тайник.

Спрятанные сокровища лежали в нем горизонтальными рядами: наверху – деревянная чаша с золотой обивкой, ниже – серебряные килик и чашечка, под ними – еще две деревянные чаши, обитые золотыми пластинами, под чашами – серебряный ритон с золотым раструбом и наконечником в виде головы барана. Самые ценные вещи лежали на дне тайника: большой серебряный ритон с широким золотым орнаментированным раструбом и золотым наконечником, серебряная ритуальная чаша, в которую был помещен серебряный же кубок и, наконец, самая замечательная находка, прославившая «Гайманову Могилу», – серебряная с позолотой чаша, украшенная широким фризом с рельефными изображениями шести фигур скифов. По форме сосуд совершенно похож на чашу со сценами охоты из Солохи, и оба они, несомненно, были ритуальными.

Впервые за многие десятилетия (последняя такая находка – Солоха, 1913) скифы, стряхнув с себя прах тысячелетий, снова, как живые, предстали перед глазами наших современников. На «гаймановой» чаше изображены две парные сцены и две одиночные фигуры. На одной стороне сосуда изображены два сидящих бородатых скифа, занятых беседой. Роскошная одежда, парадное оружие, атрибуты высшей власти (плетка в руке одного из них и булава в руке другого), общий их облик – все указывает на то, что перед нами представители

высшей власти – скифские «цари». Детали костюма и оружия вносят много новых ценных дополнений к данным, известным по куль-обскому и воронежскому сосудам. Фигуры позолочены, в серебре оставлены лишь лица и кисти рук.

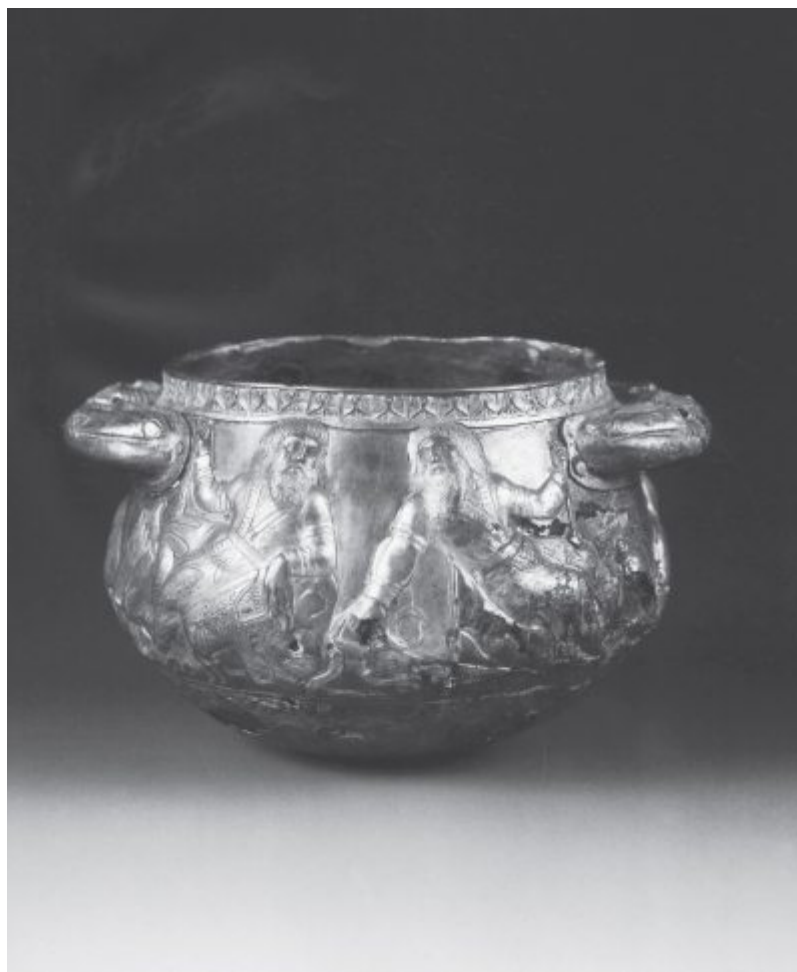

*Илл. 21. Детали изображения на серебряной чаше.
Курган «Гайманова Могила», IV в. до н. э.*

На противоположной стороне чаши также представлена парная сцена. Возможно, она была центральной во всей композиции. К сожалению, именно эта часть чаши сильнее всего пострадала от времени, поэтому некоторые важные детали утеряны. Здесь также сидят два знатных скифа – пожилой и молодой, одетые в такие же роскошные костюмы и при парадном оружии. У молодого на шее гривна, в правой руке он держит чашу – символ верховной власти, левая же рука его вытянута в сторону собеседника. Пожилой воин протянул руку в сторону молодого, как будто передавая ему что-то.

Под одной ручкой чаши изображен стоящий на коленях молодой скиф, припавший ртом к бурдюку с вином, под другой – пожилой воин, также стоящий на коленях; одной рукой он держится за лоб, а другой сжимает что-то на земле.

Очевидно, что на чаше из «Гаймановой Могилы», как и на куль-обском и воронежском сосудах, изображен какой-то сюжет из скифского героического эпоса.

Илл. 22. Серебряная чаша со скифами из «Гаймановой Могилы»

Чаша из «Гаймановой Могилы» – выдающееся произведение греческой, или «греко-скифской», торевтики²⁰. Священный сосуд был изготовлен эллинским художником по заказу скифского владыки, желавшего подчеркнуть свои исконные, божественные права на власть. Чаша впервые дала представление о внешнем облике скифских «царей». В отличие от прежних находок здесь показаны их парадная одежда и оружие, символы власти. Многие детали абсолютно новы и очень важны для изучения структуры скифского общества. Вот как комментирует эту сенсационную находку прибывший на место раскопок А.И. Тереножкин. «Остановлюсь только на разборе одной находки – серебряной чаши с изображениями скифов. В ней все ново, а отчасти и неожиданно. В персонажах основных сцен, изображенных на ней, с известной долей вероятности можно видеть скифских царей. Их фигуры, застывшие в величественно-торжественных позах, сверкают роскошью одеяний и драгоценного оружия. Сюжетом этих сцен послужило какое-то выдающееся событие в жизни народа, которое, быть может, было засвидетельствовано историческим преданием или воспето в героическом эпосе. Возможно, что на чаше изображены могущественные степные владыки, съехавшиеся для установления вечного мира между враждующими сторонами. Как бы незримо присутствуют здесь и простые скифы, в коленопреклоненном раболепном виде подносящие свои дары или дань. Необычны кафтаны, покрой которых одинаков у знатных и рядовых скифов. <...> Чаша – шедевр греческого искусства – изготовлена по образцу скифских дере-

²⁰ Торевтика – искусство рельефной обработки художественных изделий из металла.

вянных сосудов ритуального назначения. Мастер, сделавший ее, жил, несомненно, в одном из античных городов Северного Причерноморья».

Весной 1970 г. работы на кургане возобновились. Были открыты еще три погребения: центральное и два боковых. На ступеньке входной ямы центральной гробницы нашли захоронение двух коней в богатых уборах, украшенных золотыми и серебряными бляхами. Но увы! Как оказалось, гробница была полностью ограбленной. За исключением мелких золотых бляшек здесь не сохранилось ничего.

В южной части кургана находилось еще два погребения: ребенка, возможно, «царевича», целиком ограбленное (найлены лишь золотой браслет и бляшки), и знатной скифянки, также разграбленное начисто (при ней обнаружен скелет умерщвленного слуги).

Таковы общие итоги раскопок «Гаймановой Могилы» – этого выдающегося события в истории скифской археологии.

Толстая Могила

Киевский археолог Борис Николаевич Мозолевский – ученик А.И. Тереножкина – еще в 1964 г. обратил внимание на огромный 9-метровый курган, известный у местных жителей под названием Толстая Могила, расположенный у шахтерского города Орджоникидзе, всего в 10 км от знаменитого Чертомлыка.

Исследования кургана начались в 1970 г. Раскопки Толстой Могилы были по всем параметрам очень необычными. Требовалась техника, не было под рукой опытных археологов. И вдруг в конце марта руководство Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината, финансировавшего экспедицию, предложило немедленно использовать освободившуюся из-за весенней распутицы технику. В противном случае ее выделение могло быть отложено на неопределенное время.

Экспедиция еще не была подготовлена. Мозолевский встал перед трудным выбором: либо одному начать работу, которую в обычных условиях ведет целый коллектив, либо отказаться от представившегося случая и, быть может, надолго проститься с возможностью исследовать курган. Ведь о раскопках без мощной землеройной техники нечего было и помышлять – громада кургана состояла, как выяснилось потом, из 15 тыс. кубометров земли, которую следовало полностью удалить. И Б.Н. Мозолевский принял единственно возможное для него решение: приступить к раскопкам немедленно.

Начальный этап работ был невероятно напряженным. Сам Мозолевский так писал о нем: «На восходе солнца я был на кургане. Оглушая степь, к нему уже двигалась бригада скреперов и бульдозеров <...> Две недели подряд я поднимался в 5.30 утра и по 16 часов ежедневно, без отдыха и выходных, до ломоты в глазах вглядывался в землю, стараясь прочесть каждый ее комок, орудовал лопатой и ножом, чистил и замерял, снова все бросал и бежал от скрепера к скреперу, умудряясь найти еще время для чертежей и описаний. Вскоре ко мне присоединился Саша Загребельный, демобилизованный из армии. Мы возвращались с ним около 12 ночи в гостиницу, окоченевшие и оглохшие от рева машин, пропыленные, и, даже не умываясь, замертво падали в постель, чтобы завтра продолжить снова поединок с вечностью».

Толстая Могила – самый большой скифский курган, исследованный советскими археологами. Высота его составляла около 8,5 м, диаметр – 70 м. И хотя он значительно уступал по размерам Чертомлыку и Солохе, раскопки его были не менее трудоемки, а результаты – сенсационны. Впрочем, предоставим слово руководителю раскопок Борису Мозолевскому. «За две недели бульдозерами и скреперами была снята курганная насыпь <...> Это 15 тысяч кубометров земли. Чтобы ее перевезти, мощным КРАЗом понадобилось совершить три тысячи рейсов. Скифы же землю эту возили с речки Соленой, что в 5 км от кургана, и делалось это исключительно из эстетических соображений – чтобы не испортить окружающий ландшафт. Сняв насыпь, мы обнаружили центральную и боковую могилы и пять вспомогательных могил коней и конюхов».

Когда вся насыпь была удалена, наступила передышка. Теперь уже можно было не торопиться – полностью укомплектовать экспедицию и вести дальнейшую работу в нормальном темпе и в нормальных условиях. Работы на кургане начались в апреле. Курган был окружен широким рвом, в котором после расчистки были обнаружены следы грандиозной заупокойной тризны: множество костей животных – лошадей, диких свиней, благородных оленей, десятки разбитых греческих амфор. По этим остаткам удалось установить, что общий вес съеденного на поминках мяса составлял около 6500 кг, а если принять очень вероятное допущение, что в нераскопанную часть рва были сброшены кости примерно такого же числа животных, что и в исследованную, – то целых 13 тонн! Такого количества мяса

должно было хватить примерно на 3000 человек (судя по этнографическим данным, один человек на пиру съедал до 5 кг мяса).

Исследование захоронений начали с боковой гробницы. Вскоре открылся ход в могилу, заполненный черноземом. Неужели ограблена? Ведь по опыту археологи хорошо знали, что именно так обычно выглядели грабительские ходы. На этот раз опасения, к счастью, оказались напрасными. Дальнейший ход событий Б.Н. Мозолевский описывает так: «Когда экспедиция уехала отдыхать, я снова опустился в гробницу и тыкался по ней до тех пор, пока в одной из стен не обнаружил вход в хозяйственную нишу, в глубине которой лежали явно не потревоженные никем кости от жертвенной пищи и бронзовая посуда. Конечно, это еще не могло быть свидетельством целостности склепа, но вера моя окрепла».

На следующий день началась расчистка склепа. В нем оказалось совершенно не потревоженное погребение молодой скифской «царицы». Ее наряд был самым богатым из когда-либо открытых в скифских «царских» курганах. Все здесь блистало золотом: головной убор, вся одежда и башмачки были расшиты золотыми бляшками, на шее «царицы» висела массивная золотая гривна, украшенная на концах фигурками львов, на висках крепились крупные подвески с изображением богини с поднятыми руками, руки украшали три широких браслета, а все пальцы были унизаны перстнями – всего их найдено 11 (на одном пальце было сразу два кольца).

Рядом с «царицей» был погребен двухлетний ребенок, по-видимому, малолетний наследник. Он умер и был погребен позже матери, для чего в гробницу скифы прокопали второй ход. «Царевич» лежал в отделанном алебастром деревянном саркофаге. В изголовье стояли три миниатюрных серебряных сосуда: килик, ритон и шаровидный кубок. Среди украшений найдены золотой браслет, пояс, расшитый золотыми пуговицами, золотая гривна, сережки и маленький перстенок. Вся одежда «царевича» была расшита штампованными золотыми бляшками.

Илл. 23. Золотая пектораль. Курган Толстая Могила, IV в. до н. э.

В этом же кургане были похоронены и слуги: девочка-служанка, «кухарка» и воин – охранник или возничий.

Оба погребения вырезали монолитами и увезли в Киев для дальнейшего изучения и последующего экспонирования в музее.

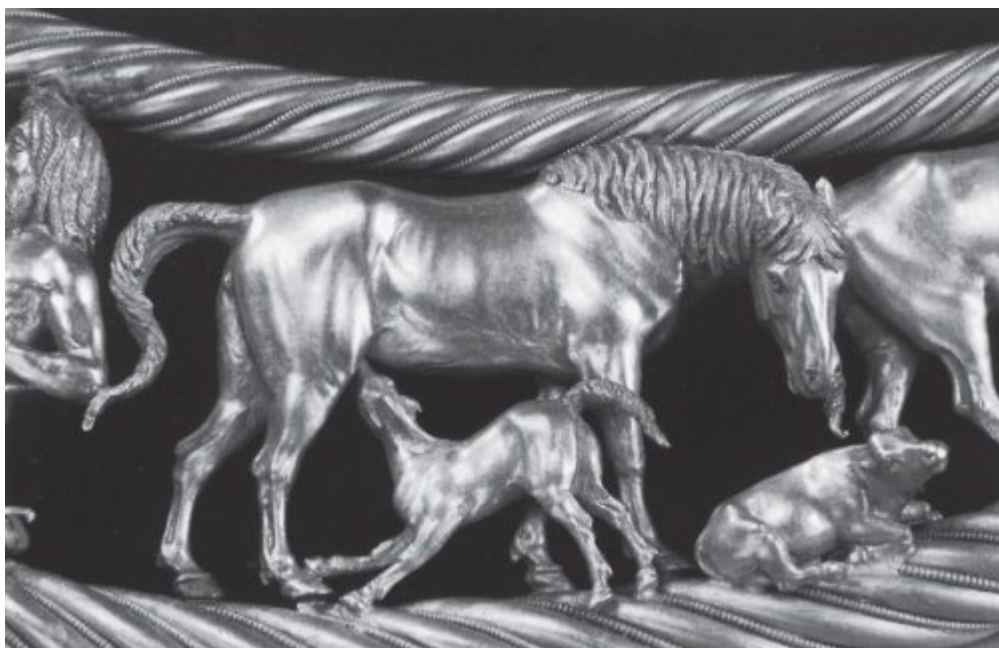
Центральная гробница была ограблена. Но грабители проникли туда после того, как свод камеры и коридора-дромоса частично уже обвалились, и ворам пришлось доставать сокровища из-под обвалившейся земли. Все крупные и ценные вещи они забрали, но оставили множество мелких золотых бляшек и пуговиц, украшавших одежду «царя». В дромосе рухнувшую землю грабители ворошить не стали, зная, что там особо ценных находок не бывает. Но на этот раз они серьезно ошиблись.

Именно в дромосе всего лишь в 30 см от входа в погребальную камеру лежал меч с обложенной золотом рукоятью и в ножнах, покрытых золотой обкладкой с рельефными украшениями. А еще ближе к камере, буквально у самого входа в нее, найдена золотая «царская» пектораль, принесящая кургану Толстая Могила мировую известность. Грабители остановились в 10 см от нее! Почему, каким образом эти ценнейшие предметы оказались в дромосе, а не там, где им надлежало быть? Возможно, они были намеренно там припрятаны. Во всяком случае, это их спасло.

Рядом с гробницей «царя» располагались два конских захоронения, в каждом из которых находилось по три коня в богатых уборах, и три могилы умерщвленных конюхов. Еще один слуга лежал в дромосе. Всего в кургане захоронено восемь принесенных в жертву людей.

Золотая обкладка ножен найденного меча по форме идентична чертомлыцкой и пятибратней, но украшена она другими изображениями. Если на первых двух изображены совершенно одинаковые сцены битвы греков с варварами (они, несомненно, вышли из одной мастерской и были изготовлены по одной матрице), то на обкладке из Толстой Могилы представлены изображения в скифском зверином стиле. На перекрестье меча в геральдической позе стоят дерущиеся петухи – совершенно новый и необычный сюжет в скифоантичном искусстве.

Однако главным сокровищем Толстой Могилы является золотая пектораль (вес – около 1,2 кг, диаметр – чуть более 30 см). Основу пекторали составляют четыре жгутообразные трубки, скрепленные на концах обоймами с наконечниками из львиных голов. Они разделяют пектораль на три полукруглых яруса. Средний заполнен растительным орнаментом, нижний – традиционным для скифов звериным, а верхний представляет наибольший для нас интерес – здесь помещены изумительные по реализму и тонкости исполнения сцены из жизни скифов. В центре композиции два обнаженных по пояс человека, снявшие свои гориты с луками, шьют меховую рубаху. Рядом с ними изображена почти пасторальная картина – юный скиф доит овцу, а стоящий рядом с ним человек держит амфору, возможно, с только что нацеженным в нее молоком. Мы видим, как жеребенок сосет молоко кобылы, а теленок – коровы. Цикл завершается разлетающимися в разные стороны птицами.

*Илл. 24. Детали с изображениями животных на золотой пекторали.
Курган Толстая Могила*

«Развернутой симфонией о жизни в представлениях скифского общества» назвал пектораль ее первооткрыватель, Б.Н. Мозолевский.

Итак, Толстая Могила была царской семейной усыпальницей, в которую последовательно захоронили «царя», его супругу и их малолетнего сына-наследника. Судя по амфорах, разбитым на тризне, «царь» был похоронен не позднее середины IV в. до н. э., а «царица» и «царевич» немного позднее.

Толстая Могила – богатейший из известных в настоящее время скифских царских курганов. Вес золотых изделий, найденных в нем, – 4,5 кг – намного превышает вес золота, найденного в Куль-Обе. Но значение кургана определяется не этим, а тем, что в отличие от курганов, раскопанных в XIX – начале XX вв., он дал ценнейшую и огромную по объему информацию о погребальном обряде высшей скифской аристократии.

Итак, вслед за археологами мы прошли долгим и тернистым путем истории изучения скифских древностей: от Мельгуновского, Литого кургана (1763 г.) и до Толстой Могилы (1970 г.). Между этими двумя датами лежит целая эпоха археологических открытий, когда были раскопаны тысячи больших и малых скифских курганов, десятки поселений и городищ. Не менее важная роль в изучении скифов принадлежит также историкам и лингвистам, которые тщательно исследуют древние тексты античных и восточных авторов, содержащие сведения о воинственных обитателях причерноморских степей в VII–IV вв. до н. э. Речь идет здесь об анализе ассирийских и вавилонских клинописных текстов, Библии (Ветхого Завета) и особенно трудов греческих историков – Гекатея, Геродота, Гиппократы и др. Существенную лепту в успехи скифологии вносят за последние десятилетия и представители естественных наук – антропологи, палеозоологи, палеоботаники, палеогеографы.

Илл. 25. Деталь золотой пекторали: скифы, изготавливающие одежду из овечьей шкуры. Курган Толстая Могила

Продолжаются изыскания по скифской тематике и в наши дни как в России, так и на главной хранильнице древностей европейских скифов – Украине. Правда, их интенсивность, в особенности полевых археологических исследований, из-за полного прекращения государственного финансирования науки, заметно снизилась. Кроме того, после распада СССР основная часть скифских памятников осталась в границах Украины, а в России скифские курганы и поселения встречаются только на Среднем и Нижнем Дону (Воронежская, Белгородская, Ростовская области) и в Ставропольском и Краснодарском краях (но там находится только скифская «архаика» VII–VI вв. до н. э.). Таким образом, сегодня регион Подонья для российских археологов – это единственный полигон для раскопок древностей европейских скифов и решения на этой основе ряда общескифских проблем.

Донская археология в России, после некоторого упадка в 1991–1995 гг., в настоящее время развивается довольно успешно. Здесь энергично работают как столичные, так и региональные специалисты, в частности из Воронежа, Липецка, Волгограда, Ростова-на-Дону. Об истории развития донской (прежде всего, среднедонской) археологии и пойдет речь в следующей главе.

Глава 2 Там, где жили амазонки: история изучения скифских древностей Среднего Дона

*К нам немного доходит из прошлого мира,
И минувших столетий – немного имен;
Только редкие души, как луч Алтаира,
Как звезда, нам сияют из бездны времен.*

*И проходят, проходят, как волны, как тени,
Бесконечно проходят века бытия...
Сколько слез, и желаний, и дум, и стремлений!
Миллионы погибших, исчезнувших «я»!*

В. Брюсов

В 1905 г. Л.М. Савелов, предводитель дворянства Коротоякского уезда Воронежской губернии и довольно удачливый археолог-любитель, с глубоким пессимизмом писал о полном отсутствии каких-либо сведений о далеком прошлом Среднего Дона: «Чьи кони паслись на роскошных придонских лугах, – в отчаянии вопрошал он, – чьи руки устраивали городища и насыпали курганы, поразбросанные по всему нашему краю и безмолвно свидетельствующие о неведомой жизни былых насельников наших мест?.. Скоро ли дождутся эти курганы и городища своих исследователей?»

Слава Богу, долго ждать не пришлось.

В 1899 г. воронежский археолог-любитель С.Е. Зверев исследовал могильный холм у с. Мазурки близ Новохопёрска. Курган этот был потревожен местными крестьянами, которые хотели устроить в нем погреб. Они прорыли глубокую канаву в северо-восточной части насыпи и на глубине около 5 м обнаружили деревянную гробницу, а на дне нее – ряд интересных предметов явно почтенного возраста. С.Е. Зверев продолжил раскопки и установил, что найденные здесь вещи (а среди них был и бронзовый котел скифского типа) указывают на «довольно глубокую древность кургана».

В том же 1899 г. в Воронеже была организована Воронежская Ученая Архивная Комиссия (ВУАК). Такие комиссии, существовавшие в дореволюционной России почти во всех крупных губернских центрах, в числе прочих своих обязанностей призваны были изучать и историю данного края, а также его достопримечательности. В их состав входили дворяне, чиновники и представители местной интеллигенции. В 1901 г. член ВУАК В.Н. Тевяшов раскопал два скифских кургана у слободы Владимировка в Острогожском уезде Воронежской губернии. Но находки оказались немногочисленными и малоинтересными: все захоронения были ограблены. Однако несколько археологов-любителей из ВУАК явно не могли сами решить с помощью раскопок такую сложную задачу, как воссоздание древней истории края. Многие курганы разрушались в результате хозяйственной деятельности человека и воздействия неблагоприятных природных факторов.

А затем на местные скифские древности обрушилась новая напасть: они стали жертвой беззастенчивых и наглых искателей легкой наживы – грабителей могил. Стоит ли удивляться, что и первые достоверные сведения о богатстве среднедонских курганов стали известны ученому миру в Санкт-Петербурге и Москве лишь в результате грабительских раскопок в начале XX в.

«Увидели, как на „линии“²¹ копают, давай и мы попробуем, что в наших курганах есть, – вспоминают старожилы с. Мастюгино (совр. Острогожский р-он Воронежской обл.). – Вначале копали со страхом, в ночное время, с фонарями; землю выбрасывали в противоположную от села сторону. Но продолжалось это недолго, дознался урядник и воспретил раскопки. Затем приехал пристав, осмотрел начатые работы и разрешил копать дальше, но предупредил: „Не задавило бы“. Грабеж тогда пошел открытый».

К несчастью для науки мастюгинские курганы оказались необычайно богатыми. Почти в каждой могиле находились драгоценные изделия, что, естественно, лишь разжигало алчность грабителей. Какие бесценные творения древнего искусства погибли тогда под заступами и ломami невежественных кладоискателей, мы уже никогда не узнаем. Ведь львиная доля добытых ими предметов старины превратилась в безликие слитки золота и серебра или же попала в руки частных коллекционеров.

Наконец слухи об этих чудесных находках дошли до Петербурга, и в село приехал из столицы опытный археолог А.А. Спицын. Он докопал несколько разрушенных крестьянами курганов и собрал еще сохранившиеся на руках древние вещи.

В 1908 г. по поручению Императорской Археологической Комиссии (напомню, что в те времена это было главное научное учреждение России по организации и проведению археологических работ в пределах империи. – *В.Г.*) в Мастюгино направился другой известный археолог – Н.Е. Макаренко. Ему удалось раскопать шесть богатых курганов, счастливо избежавших ограбления или пострадавших лишь частично. И находки посыпались как из рога изобилия. Так, курган № 2, не предвещавший сначала ничего хорошего для исследователя, оказался весьма интересным.

«Почти отвесная, неправильно круглая яма, суживающаяся книзу в виде воронки, – вспоминает Н.Е. Макаренко, – привела хищников, по счастливой случайности, к костяку, лежавшему у северо-западной стены (могилы. – *В.Г.*). С него они сняли, по их показаниям, золотое кольцо в виде змейки в три оборота, проданное жене местного земского начальника. Дальнейший грабеж кургана был предотвращен обвалом земли».

²¹ Имеется в виду Кубань.

Илл. 26. Золотые серьги с фигурой богини Кибелы. Курган № 1 у с. Мастюгино, IV в. до н. э.

(раскопки Н.Е. Макаренко, 1908–1911)

Надо сказать, это произошло как раз вовремя. Под обломками деревянной бревенчатой крыши гробницы и рухнувших вниз пластов земли археолог обнаружил погребение скифского знатного воина в железном чешуйчатом панцире, золоченых бронзовых поножах античного происхождения (кнемидах) в окружении груды разнообразного оружия и снаряжения: десятков наконечников бронзовых и железных стрел, копий, дротиков, конских удил. Здесь же лежала и напутственная пища – часть туши лошади (точнее, молодого жеребенка) – и сосуды для питья (глиняные и деревянные с золотой оковкой чаши). Интереснейшие предметы, том числе множество привозных греческих вещей, были найдены и в других пяти раскопанных курганах. В частности, удалось обнаружить еще одну пару греческих поножей с надписью греческими буквами «Левк(он)» – вероятно, это имя прежнего их владельца. Были найдены также бронзовый греческий шлем «фракийского» типа, медный нагрудник кожаного панциря с изображением Медузы Горгоны и золотые серьги с фигурой богини Кибелы, сидящей на двух львах.

*Илл. 27. Бронзовая пластина от панциря с ликом Медузы Горгоны.
Курган № 2 у с. Мастюгино (раскопки Н.Е. Макаренко, 1908–1911)*

К сожалению, недостаток средств вскоре вынудил Н.Е. Макаренко прекратить работы. Накануне отъезда из Мастюгино он, как бы обращаясь к будущим исследователям, с явно преждевременным оптимизмом записал в своем дневнике: «По счастью, грабители в большинстве случаев портили верхнюю насыпь кургана и часть погребений, не имея возможности захватить все. Низенькие курганы не привлекали их внимания, а потому остались нетронутыми, хотя и не были бедны».

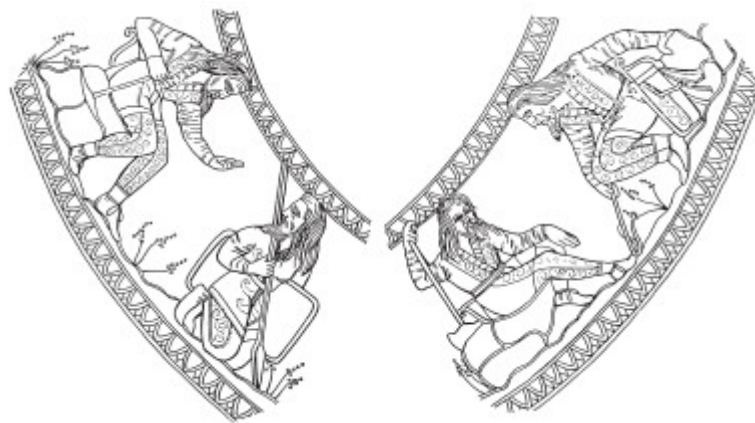
Илл. 28. Серебряный греческий сосуд с человеческой личиной. Разграбленный курган у с. Мастюгино (сборы Л.Л. Спицына, 1905~1906)

По иронии судьбы, именно раскопки этого ученого послужили дополнительным толчком для начавшейся вскоре в Мастюгино вакханалии курганных грабежей: ведь работали-то в составе упомянутой экспедиции те же местные крестьяне, люди наблюдательные и сметливые. Не прошло и нескольких лет, как умудренные полученным опытом мастюгинские мужики весьма основательно «прошлись» по многим остававшимся еще нетронутыми курганам – и высоким и «низеньким».

Примерно в те же годы археологи-любители из ВУАК приступили на свой страх и риск к раскопкам еще одного древнего могильника в урочище «Частые курганы» на северной окраине Воронежа. Всего с 1910 по 1915 гг. было вскрыто свыше десятка курганных насыпей и лежащих под ними скифских захоронений, давших исключительно богатые и интересные материалы. В их числе и знаменитый серебряный круглодонный сосуд с изображениями скифов – шедевр, вероятно, созданный неизвестным греческим мастером в одной из ювелирных мастерских Пантикапея (совр. Керчи) – столицы Боспорского царства.

Именно этой уникальной находке и суждено было стать своеобразным яблоком раздора в споре между чиновниками Петербурга и членами местной Ученой Архивной Комиссии. Дело в том, что по существующему тогда порядку разрешение на раскопки, а зачастую и необходимые денежные средства заинтересованные лица получали из петербургской Императорской Археологической Комиссии. Взамен этого каждый археолог обязан был отправить в столицу все найденные им вещи и подробнейший отчет о своих работах. Именно Археологическая Комиссия, состоявшая в ведомстве императорского двора, ежегодно устраивала в столице выставку лучших находок сезона. Председатель Комиссии, гофмейстер граф А.А. Бобринский в торжественной обстановке «представлял на высочайшее воззрение» (т. е. перед императором) наиболее выдающиеся предметы старины, среди которых весьма важное место занимали золотые украшения и прочие предметы из скифских курганов, а также творения античных мастеров.

Надо полагать, что и вновь найденный серебряный сосуд с изображением скифов (второй после куль-обского) придворные чины из Комиссии рассчитывали продемонстрировать лично царю. Но на этот раз произошло все иначе. Другой важный сановник, граф П.Н. Апраксин, стоявший тогда во главе Воронежской Ученой Архивной Комиссии, решил в 1911 г. самостоятельно устроить «представление на высочайшее обозрение» великолепнейших находок из «Частых курганов». Ему удалось преподнести «под светлы очи» Николая II упомянутую серебряную вазу. Последовавшую потом беседу с царем граф ловко использовал для успешного решения одного своего давнего ходатайства: он просил передать Воронежскому музею принадлежавший казне старинный дворец последнего крымского хана Шагин-Гирея в Воронеже, и добился своего.

*Илл. 29. Воронежский серебряный сосуд с изображением скифов и его прорисовка.
«Частые курганы», курган № 3, IV в. до н. э. (раскопки ВУАК, 1910)*

Во всем происшедшем Императорская Археологическая Комиссия усмотрела прямое ущемление своих интересов. Разразился громкий скандал. В Воронеж одна за другой шли из столицы грозные бумаги с обвинениями в научной недобросовестности, дилетантстве и даже с запретами вести дальнейшие раскопки. Местные археологи, естественно, пытались

как-то оправдаться. В конце концов, весьма курьезная переписка по этому поводу в виде нескольких пухлых томов попала в архив, где и лежит до сих пор, напоминая о тех временах, когда археология во многом была лишь игрушкой в руках пресыщенных придворных чинов и богатых бездельников.

Конечно, встречались в ту пору и знающие люди, талантливые русские археологи, но, к сожалению, отнюдь не они определяли общее состояние дел в области изучения прошлого нашей страны.

И все же наука не стояла на месте. Живые ростки знания упорно пробивали себе дорогу сквозь многочисленные трудности и преграды. Именно в эти годы большой знаток скифской археологии М.И. Ростовцев написал в одной из своих работ: «Как ни кустарно ведется дело расследования в большинстве раскопочных кампаний, как ни грабят наши золотоносные курганы хищники и жадные предприниматели, до сих пор стоящие вне досягаемости закона <...> богатство наше все же растет, стихийно переполняет Эрмитаж, начинает заполнять и провинциальные музеи. К сожалению, бедное силами и материальными средствами научное исследование еле поспевает за этим ростом, масса вещей первостепенной важности остается неизданной, и во многих областях обилие материала грозит превратиться в хаос».

Илл. 30. Деревянная чаша с золотыми обкладками и золотой ручкой в виде хищной птицы, IV в. до н. э. (реконструкция).

Общий вид. «Частые курганы», курган № 11 (раскопки П.Д.Либерова, 1954)

Эти слова имели самое прямое отношение и к воронежским древностям скифской эпохи. Общий итог деятельности археологов дореволюционной поры на Среднем Дону никак не назовешь впечатляющим: два десятка раскопанных курганов и несколько случайно найденных вещей вряд ли могли дать сколько-нибудь полное представление о культуре местного населения в скифское время.

*Илл. 31. Детали деревянной чаши из кургана № 11:
а) золотая ручка в виде хищной птицы и ее основа;
б) золотая пластина с фигурой оленя с обкладки чаши*

Не сразу изменилось положение дел и после Октябрьской революции. В 1927 г. известный российский археолог В.А. Городцов раскопал в той же группе «Частые курганы» еще шесть насыпей. Пять из них содержали погребения скифского периода, сильно потревоженные грабителями и поэтому давшие весьма скромный материал.

В 30-е-40-е годы сколько-нибудь значительных исследований скифских древностей в воронежских краях практически не велось. Тем не менее, в 1952 г. воронежский историк А.Ф. Шоков, обобщив все имевшиеся тогда сведения об археологических памятниках раннежелезного века в регионе (прежде всего, это были материалы старых раскопок курганов), еще раз подтвердил точку зрения М.И. Ростовцева о том, что культура племен Среднего Дона в V–III вв. до н. э. – скифская, и что эти места – часть единого военно-политического объединения (государства) – Скифии.

В 1954 г. к широкому изучению скифских поселений и могильников на рассматриваемой территории приступила Воронежская скифская лесостепная экспедиция Института археологии АН СССР, возглавляемая П.Д. Либеровым. За сравнительно короткое время, с 1954 по 1965 гг., ею были раскопаны курганные могильники в урочище «Частые курганы» (41 курган) и у с. Мастюгино (46 курганов), а также 18 курганов (из 49 выявленных) в двух могильниках у с. Русская Тростянка Острогожского р-на Воронежской обл. Одновременно были обнаружены и частично исследованы свыше 20 городищ и 39 селищ скифского времени.

Кроме того, были собраны и изучены специалистами первые коллекции антропологического и палеозоологического материала, проведены спектральные анализы цветного металла из погребальных и поселенческих комплексов.

Этот новый богатый и разнообразный археологический материал в сочетании с данными античных письменных источников позволил П.Д. Либерову сформулировать общую концепцию о наличии в регионе Среднего Дона в VI–III вв. до н. э. «скифоидной» по внешнему облику, но сугубо местной и оригинальной культуры оседлых земледельцев и скотоводов, которых он связывал с упомянутыми Геродотом будинами и угро-финским этносом. Он утверждал также, что среднедонская культура скифской эпохи не имеет ничего общего со своими соседями на западе – племенами Украинской Лесостепи (левобережье Днепра), на востоке – с кочевыми племенами савроматов и на юге – с собственно скифами. Происхождение среднедонской культуры он связывал с местными традициями эпохи поздней бронзы.

«Суммируя все вышесказанное, – писал П.Д. Либеров, – мы можем заключить, что археологические, лингвистические и этнографические источники позволяют рассматривать население Подонья в эпоху раннежелезного века в этническом отношении как финно-угорское, говорящее, по Геродоту, на особом языке как по сравнению с гелонами, выходцами из эллинских городов, так и скифами».

Это было весьма смелое утверждение, отвергающее, по сути дела, взгляды всех его предшественников – А.А. Спицына, Н.Е. Макаренко, М.И. Ростовцева, В.А. Городцова, С.Н. Замятнина и других, которые рассматривали среднедонскую культуру, как скифскую. Но П.Д. Либеров располагал новым обширным материалом (итоги раскопок свыше 100 курганов и десятков поселений), и многие ученые сочли его доводы вполне приемлемыми. К тому же, в 1952 г. его учитель – Б.Н. Граков – принципиально отделил культуру скифской степи от культуры нескифской Лесостепи глухой стеной, и, таким образом, лесостепной Средний Дон автоматически отходил к нескифским племенам, упоминаемым Геродотом.

Надо сказать, и я сам, став с 1960 г. сотрудником экспедиции П.Д. Либерова, принимал участие в целом ряде его раскопок и, к тому же, вполне разделял тогда научные взгляды своего начальника. Опыт этих исследований (это было самое начало моей археологической карьеры) во многом способствовал моему формированию как профессионального уче-

ного-археолога. И чтобы подтвердить свои рассуждения конкретными фактами, сошлюсь на несколько давних наших работ в начале 60-х.

Пример 1. По следам кладоискателей

Случилось так, что первый мой опыт по раскопкам скифских курганов Воронежщины в 1961 г. был связан как раз с тем самым с. Мастюгино и его печально известными могильными холмами, которые так часто становились в прошлом жертвами кладоискателей.

Жить нам пришлось в самом селе. И первое время мне трудно было отделаться от одной навязчивой мысли: в каждом мастюгинском жителе мне чудился грабитель или, на худой конец, ближайший его родственник. Здесь, безусловно, давали себя знать прочитанные мною перед поездкой нелицеприятные высказывания о местных мужиках первых исследователей могильника – А.А. Спицына и Н.Е. Макаренко. Даже внешний вид Мастюгино вызывал во мне глухое раздражение. На голом, без единого деревца или кустика, косогоре беспорядочно, вразброс, стояли унылые, серые от облупившейся побелки дома. Нелепо широкая, грязная, вся в глубоких колдобинах дорога, шедшая через село на станцию Мазурки, вдруг внезапно упиралась в стену какого-то бревенчатого сарая и, сделав замысловатое коленце вокруг этой неожиданной преграды, неторопливо тянулась дальше. То, что село было голое, без садов и посадок, как мне казалось тогда, самым прямым образом увязывалось с характером мастюгинцев, – по моему глубокому убеждению, людей угрюмых, скрытных и подозрительных.

Потом уже, некоторое время спустя, я вынужден был признать свою неправоту: и село оказалось как село, и люди обычные – добрые и простые. Что же касается садов, то их вырубали где-то в 30-е г. из-за непомерно высоких государственных налогов на фруктовые деревья.

Интересующая нас курганная группа находилась примерно в 1,5 км севернее села, за глубоким оврагом, на высоком меловом бугре. Большинство курганов ежегодно распахивались и поэтому представляли собой не слишком привлекательное зрелище. На черноземном, оставленном под пар поле едва заметными бугорками выделялось десятка два небольших холмиков и какие-то круглые светлые пятна. Правда, кое-где можно было видеть и высокие зеленые конусы курганов в несколько метров высотой. Даже тракторный плуг не смог сокрушить их крутые насыпи. Но, подойдя ближе, мы увидели, что вершины этих земляных колоссов обезображены глубокими воронками грабительских ям и перекопов.

Здесь, на этом курганном поле и пришлось мне в течение полутора месяцев проходить свои «археологические университеты». Наставником моим был сам начальник экспедиции – Петр Дмитриевич Либеров, человек с огромным жизненным опытом, прошедший долгий и трудный путь от простого архангельского лесоруба до заместителя директора солидного академического института. Именно он, ловко взяв в свои ухватистые, по-мужичьи жадные до работы руки остро наточенную лопату, научил меня искусно владеть ею. Он же показал мне, как надо любить и понимать землю, разбираться в ее секретах, в хитросплетениях грабительских ходов, желтых пятен от норок грызунов и, наконец, в тонкостях древних погребальных конструкций.

Читатель вправе, вероятно, спросить: а стоило ли тратить время и немалые средства на бесперспективные вроде бы раскопки уже ограбленных мастюгинских курганов? Могу сказать без тени какого-либо сомнения – стоило. И вот почему. Археология – это наука, изучающая прошлое человечества по остаткам его материальной культуры, извлекаемым обычно из глубины земли. Для воссоздания подлинной истории племен и народов, зачастую бесписьменных, необходимо широкое изучение древних поселений и могильников. Теперь при раскопках курганов археолога интересуют не только отдельные драгоценные изделия или выдающиеся произведения искусства, а весь комплекс данных о характере изу-

чаемого памятника: структура насыпи, устройство гробницы, черты погребального обряда, точное положение скелета и вещей в могиле (для выяснения религиозных верований данного народа) и даже сами человеческие кости (для антропологических изысканий, причем, современные методы позволяют антропологам определять по костям не только пол и возраст погребенного человека, но и чем он болел, как питался, какие перенес при жизни стрессы и физические нагрузки).

Илл. 32. Золотая обкладка деревянного гребня с фигурами хищников и общая реконструкция гребня. Курган № 32/32 у с. Мастюгино, IV в. до н. э. (раскопки П.Д. Либерова)

Для широких исторических обобщений нужен массовый материал из многих курганов. Именно такие данные и были получены нами в Мастюгино. Но вместе с тем, вопреки нашим предположениям, «бесперспективные» местные гробницы неожиданно подарили нам и немало ценных, высокохудожественных изделий. Все это стало возможным благодаря широкому применению могучей землеройной техники. Если раньше археологи вручную могли в лучшем случае снять за один полевой сезон одну, две, максимум три курганных насыпи среднего размера, то мы с помощью бульдозера и скрепера сумели раскопать за полтора месяца 18 курганов.

Не берусь судить, когда и где стали впервые применять бульдозеры при археологических исследованиях. Во всяком случае, для нас в 1961 г. дело это было новое и незнакомое. Приходилось учиться на ходу, прямо в процессе раскопок. Были, конечно, как и во всяком новом деле, свои трудности и ошибки. Но сейчас, оглядываясь на пройденный путь, можно сказать, что этот первый опыт массовых раскопок с помощью техники целиком себя оправдал. Мы не испортили ни одного кургана, ни одной могилы, ни одного древнего предмета. А точность фиксации процесса раскопок в чертежах и дневниках несколько

не уступала требованиям обычной археологической методики. Зато скорости работ в обоих случаях были несравнимы. Вооруженные могучим бульдозером, мы за один день успевали сделать столько, на что прежде тратились недели. Правда, перед этим пришлось хорошо изучить структуру местных курганов скифского времени. Выяснилось, что в насыпи, за редким исключением, находок не встречается или же там представлены скудные следы погребальной тризны – черепки глиняных сосудов и разрозненные кости животных. Сама же гробница с деревянным перекрытием расположена обычно в центре кургана, под насыпью, на 1,5–2 м вглубь нетронутой почвы, или, как ее зовут археологи, «материка».

Таким образом, риск зацепить и разрушить ножом бульдозера какой-либо древний предмет или конструкцию сводился при раскопках насыпи до минимума. Когда же из недр земли появлялись полусгнившие бревна крыши гробницы, трактор останавливали и дальнейшие работы вели вручную.

Пример 2. История одного кургана

Во время работ в Мастюгино наше внимание привлек одинокий большой курган, получивший в полевой документации замысловатый номер 29/21. Внешний вид его не внушал особого доверия. Огромная коническая воронка прорезала всю его вершину, лишая исследователя всякой надежды на достойное вознаграждение за свой нелегкий труд. Курган был уже раскопан или основательно ограблен в не столь уж отдаленные времена. Но решили проверить и его.

Илл. 33. Серебряный с позолотой ритон. Курган № 29/21 у с. Мастюгино, V в. до н. э. (раскопки П.Д. Либерова)

Крутолобый земляной исполин был снесен за три дня. Внизу открылась огромная могильная яма площадью 49 кв. м. Ее перекрывал мощный двойной накат из дубовых бревен, опиравшийся на 17 вертикально стоящих столбов. Однако сгнившее перекрытие, не выдержав тяжести земли, давившей на него сверху, рухнуло еще в древности, завалив боковые стороны и углы гигантской гробницы. Это и предопределило дальнейший ход событий. То, что могила ограблена, было ясно с первого взгляда – мы увидели беспорядочно разбро-

санные изломанные вещи, отдельные человеческие кости, следы перекопа и т. д. Но мы не унывали – ведь нам удалось во всех деталях проследить конструкцию этого колоссального погребального сооружения, что уже само по себе было весомым вкладом в донскую археологию.

И вдруг, в самом углу могильной ямы под рухнувшими вниз обломками бревен оказался округлый бок какого-то позеленевшего от времени предмета.

Когда это место осторожно расчистили, то увидели не одну, а сразу две драгоценные находки – бронзовую с позолотой греческую гидрию²² и серебряный ритон. Там же лежали две серебряные фигурки медведей – украшения из уздечного набора, золотая бляшка, золотая оковка деревянного сосуда, железные наконечники стрел, обломок греческой чернолаковой чашечки и несколько других вещей. Благодаря этим находкам время сооружения кургана удалось установить достаточно точно: это конец V в. до н. э.

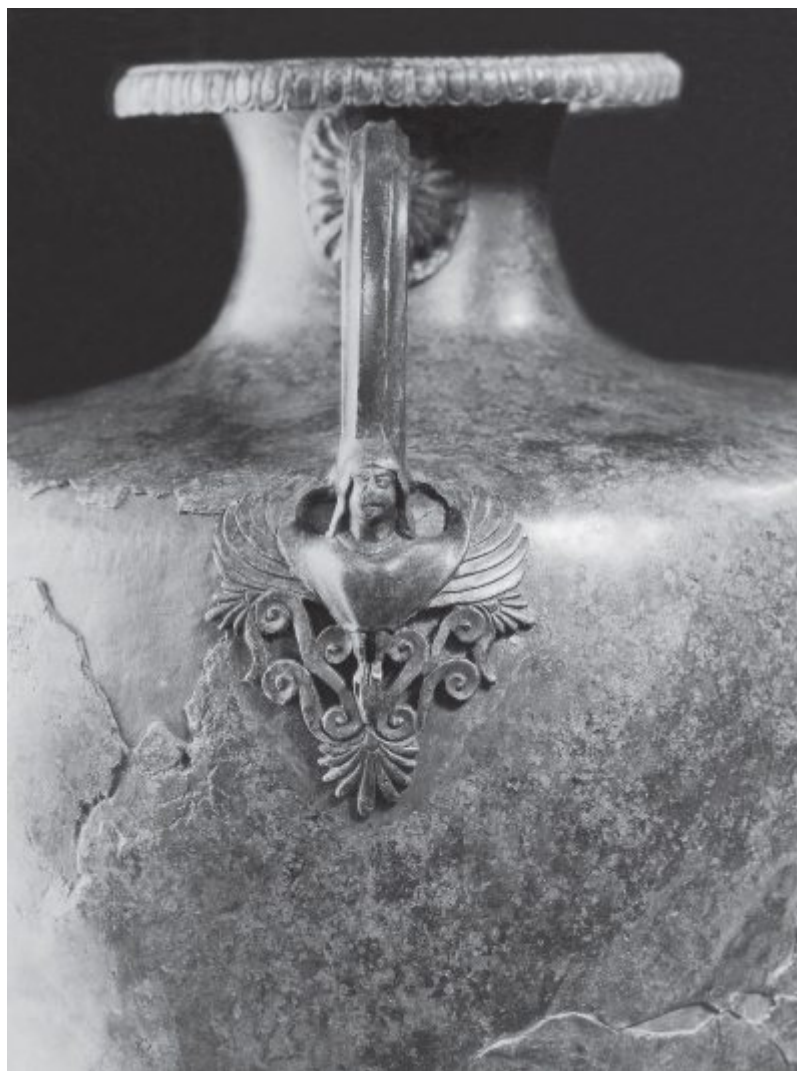
Но, странное дело, более внимательное знакомство с предметами из кургана 29/21 выявило их поразительное сходство с вещами из кургана № 2, раскопанного (вернее, доследованного) А.А. Спицыным в 1905 или 1906 гг. у того же села Мастюгино. Одна золотая треугольная бляшка находилась у нас, а несколько точно таких же бляшек – в коллекции А.А. Спицына. Та же картина и с золотыми оковками деревянного сосуда: одна – у нас, шесть – у него. Серебряных фигурок медведей, абсолютно идентичных во всех деталях: у нас – две, у него – одна. Совпадает и описание погребальной камеры. Только вместо 17 столбовых ямок в отчете А.А. Спицына указано 16. Не хватает одной, возле которой мы и нашли гидрию, ритон и много других более мелких предметов.

Но окончательно убедил нас в наших догадках рассказ нескольких мастюгинских старожилов. Они прекрасно помнили, что в этот курган сначала проникли местные кладоискатели, которые нашли здесь «металлическую посудину», серебряную или бронзовую, и «прекрасную глиняную чашу», правда, неосторожно разбив их ломом на мелкие куски. А потом тот же курган докапывал А.А. Спицын. Конечно, старики уже не помнили его фамилии, но уверенно говорили о том, что какой-то «важный господин», приехавший издалека, доследовал могилу и вывез оттуда целый воз золота и серебра. Крестьяне, бесспорно, несколько преувеличивали истинное положение дел. Но все же, если судить по отчету А.А. Спицына для Императорской Археологической Комиссии, находки, сделанные им, действительно оказались на редкость богатыми. Забрал он у кладоискателей и обломки «металлической посуды» в количестве 46 штук; «посудина», после реставрации превратилась в серебряный греческий сосуд VII в. до н. э. Итак, круг доказательств сомкнулся. Мы изучали курган, уже раскопанный до того в начале XX в. известным русским археологом А.А. Спицыным.

Пример 3. Сокровище скифского вождя

До сих пор мы встречали на Дону курганы, уже основательно опустошенные искателями наживы всех эпох. Правда, широкие раскопки с применением землеройной техники позволили, в конечном счете, и нам добывать интереснейшие и ценные находки. Один курган дал серебряный греческий ритон. В другом мы неожиданно наткнулись на почти целый панцирь, железные чешуйки которого были выложены на груди тонким золотым листом. Третий хранил в своих недрах оружие скифского воина – наконечники стрел, дротиков и копий, меч, нож и конскую узду. То вдруг в грабительском перекопе удавалось собрать довольно внушительную коллекцию золотых штампованных бляшек разных форм и размеров.

²² Гидрия – сосуд для воды с двумя ручками по бокам.

Илл. 34. Деталь бронзовой гидрии. Курган № 29/21 у с. Мастюгино, V в. до н. э.

И все же в глубине души мы всегда чувствовали какую-то неудовлетворенность: ведь нам всегда доставались только жалкие крохи от бывшего богатства. Сколько же изумительных шедевров древнего искусства, сколько умопомрачительных груд золота и серебра должны были хранить в себе недра скифских курганов, если к ним во все времена постоянно слетались стаи алчных хищников-грабителей! Грабили их в древности свои же соплеменники или соседи. Грабили в средние века степные бродяги из проходящих по донскому раздолью кочевых орд. На рубеже прошлого столетия грабили с чисто мужицкой основательностью местные жители. И, наконец, новая напасть уже в наши дни – нашествие современных кладоискателей, так называемых «черных археологов», благо что спрос на скифские древности очень высок у частных коллекционеров и в России, и на внешнем рынке.

В связи с этим у нас в экспедиции появилась даже своего рода игра: во время раскопок очередного кургана на основе уже приобретенного опыта мы «угадывали», в какую именно эпоху был ограблен изучаемый нами объект. Отличить «почерк» древних грабителей от кладоискателей начала XX в. было трудно, но возможно. В первом случае пятно от грабительской ямы состояло из необычайно твердой и вязкой, как замазка, земли, получившей в нашем обиходе наименование «затечной». Кладоискательские же ямы заполняла рыхлая, мягкая, легко поддающаяся лопате почва.

Однако объяснить истинную причину этого различия нам никак не удавалось. И вот, совершенно случайно при чтении отчета известного русского археолога В.А. Городцова о раскопках «Частых курганов» в 1927 г. я наткнулся на строки, полностью разрешившие все наши недоумения. «Я полагаю, – писал Василий Алексеевич, – что затвердение земли в грабительской лазейке происходило по той причине, что ограбление производилось в ненастные дождливые ночи, чтобы не быть замеченными родственниками погребенного или их соседями, несомненно, жестоко наказывавшими преступников. Смоченная дождем земля, выброшенная из кургана, сырой возвращалась обратно в лазейку и вследствие этого сильно уплотнялась и получала свойства, близкие к свойствам кирпича <...> Если же наше определение верно, то необходимо заключить, что у скифов <...> существовали специалисты по ограблению курганов, пользовавшиеся для этого хорошо разработанными методами и уловками».

Но однажды нам пришлось испытать ни с чем не сравнимую радость первооткрывателей сокровищ. В 1964 г. экспедиция начала работать в более южных районах, за пределами Воронежщины. Неподалеку от с. Дуровка Алексеевскую р-на Белгородской обл. наше внимание привлекла большая группа сильно распаханных курганов, стоявших на высоком меловом бугре над заболоченной, густо заросшей осокой и камышом речушкой. Среди них выделялся своими размерами центральный холм высотой около двух метров и диаметром свыше сорока. Решено было начать раскопки именно с него.

Под земляной насыпью открылась огромная могильная яма. Стены ее были облицованы дубовыми плахами. Перекрытие имело форму шатра: могучие дубовые стволы лучами сходились над могилой, опираясь на несколько центральных столбов, которые и удерживали всю эту сложную конструкцию. Почва возле краев могильной ямы носила следы сильного обжига.

Еще в древности в западную половину гробницы проникли грабители. Обнаружив там два скелета, мужской и женский, они забрали все находившиеся при погребенных ценности и удалились. Восточная же часть склепа, заваленная обломками дерева рухнувшего вниз «шатра», осталась совершенно нетронутой. На полу просторной деревянной гробницы лежали колчаны с сотнями железных наконечников стрел, конские удила, узорчатые уздечные наборы, части туш лошади, свиньи и овцы, бронзовая фигурка птицы, греческая амфора для вина и серебряный ритон с головкой барана на узком конце. Здесь же, среди остатков какой-то истлевшей розовой ткани, валялись сотни плоских и полусферических золотых нашивных бляшек и одна большая круглая бляха из листового золота. На ней в грубом варварском стиле изображен длинноволосый человек, который сидит верхом на крылатом грифоне, терзающем оленя. На шее у мужчины можно различить многовитковую гривну – знак власти, его правая рука поднята, видимо, для удара, но никакого оружия в ней нет. Кто же он?

Согласно скифским легендам, все цари Скифии ведут свое происхождение от одного общего предка – мифического героя по имени Таргитай. Как и греческий Геракл, Таргитай прославился своими многочисленными подвигами во славу человека, очищая землю от страшных хищников и чудовищ. Золотые бляшки с изображением Геракла-Таргитая встречаются во многих погребениях высшей скифской знати. О знатности погребенного свидетельствовал и серебряный ритон с затейливым орнаментом. Ведь хорошо известно, что у многих ираноязычных племен и народов (в том числе и у скифов) ритон считался священным, ритуальным сосудом и одновременно одним из атрибутов царской власти. С его помощью земные владыки как бы приобщались к миру владык небесных. Теперь сомневаться больше не приходилось: перед нами лежали останки одного из местных властителей и его спутницы.

С конца 60-х гг. XX в. изучение памятников скифского времени на Среднем Дону осуществлялось лишь спорадически и в незначительных масштабах. Среди интересных рас-

копок можно отметить исследование курганного могильника у с. Дуровка, проводившееся А.И. Пузиковой (Институт археологии РАН) в 60-е-80-е гг. (всего 23 кургана).

*Илл. 35. Золотая круглая бляха с изображением Таргитая. Прорисовка.
Курган № 1, с. Дуровка, IV в. до н. э. (раскопки А.И. Пузиковой)*

С 1975 г. приступил к исследованиям Отряд скифо-сарматской археологии Воронежского государственного университета (руководитель А.П. Медведев). За последующие два десятилетия им было раскопано Пекшевское городище (Липецкая обл.), где представлены материалы и городищ (угро-финской) и «скифоидной» культур VI–IV вв. до н. э., а также доследован разграбленный современными кладоискателями курганный могильник у с. Животинное (13 курганов).

В Воронежском государственном педагогическом университете группа археологов, возглавляемая профессором А.Т. Синюком, осуществила многолетние исследования на городище у хутора Мостище и раскопала 12 скифских курганов у с. Б. Стояново. В настоящее время члены этой группы – В.Д. Березуцкий и Ю.Д. Разуваев – ведут работы на новом курганном могильнике раннего железного века у хутора Дубовой Острогожского р-на Воронежской обл., где уже изучено пять курганов V–IV вв. до н. э.

Как уже отмечалось, с 1989 г. ведет свои исследования скифских древностей на Среднем Дону и наша Потуданская (с 2000 г. переименована в Донскую) археологическая экспедиция. За прошедшие 15 лет экспедиция осуществила раскопки двух городищ I тыс. до н. э. – у с. Россошки (Воловский р-н) и у с. Солдатское (Острогожский район), а также на двух курганных могильниках – у сел Терновое и Колбино (Репьевский и Острогожский р-ны Воронежской обл.), где вскрыто 49 курганов (из них 47 скифской эпохи). У с. Горки Краснянского р-на Белгородской обл. археологами исследовано 9 курганов, из них 7 – скифские. Современные исследования на Среднем Дону ни в чем не уступают работам предшествующих поколений ученых, в том числе и по сенсационности находок и открытий. И это не трудно доказать на примере нашей Донской экспедиции.

Амазонки: легенды и действительность

Римский историк Корнелий Тацит, который чрезвычайно бережно обращался с историческими фактами, писал: «Ведь старина, вымысел и чудесное называются мифами, история же – будь то древняя или новая – требует истины, а чудесному в ней нет места <...> Что же касается амазонок, то о них всегда – и раньше, и теперь – были в ходу одни и те же сказания, сплошь чудесные и невероятные».

И действительно, вот уже более 25 веков в трудах ученых и писателей передается чудесная легенда об амазонках – сказочных женщинах-воительницах, живших отдельно от мужчин и имевших весьма странные обычаи.

Первоначально их родиной считались земли на северо-востоке Малой Азии (южное побережье Черного моря, между Синопой и Трапезундом). Амазонки, как повествуют предания, храбро сражались с любым врагом и почти не знали поражений. Попавших в плен мужчин они спустя какое-то время убивали. Родившихся от таких случайных связей мальчиков изгоняли, а девочек оставляли и воспитывали в суровых «спартанских» традициях – воительницами и наездницами. При этом у них, якобы, еще в детстве выжигалась правая грудь, дабы она не мешала стрельбе из лука и владению копьем и мечом.

Любопытные сведения об амазонках содержатся в трудах греческого автора Геродота Галикарнасского – «отца истории», являвшегося и главным летописцем Скифии (V в. до н. э.). Он пишет, что после одной из битв с амазонками победившие наконец греки решили отправить на кораблях в Грецию группу пленных женщин-воительниц. Однако в пути амазонки напали на экипажи

судов и, перебив их, освободились из плена. Здесь выяснилось, что никто из амазонок морского дела не знает. Сильные ветры и течения пригнали беспомощные корабли к берегам Скифии, точнее, к северо-восточному побережью Меотиды (Азовского моря) в устье Дона-Танаиса. Высадившись на сушу, амазонки стали нападать на становища скифов, добывая себе пищу и лошадей. Произошел ряд столкновений, причем ни одна из сторон не могла добиться решающего успеха. После одной из битв скифский всадник, позарившись на одежду убитого пришельца, внезапно обнаружил, что этот мертвый воин – женщина.

Скифские вожди немедленно прекратили военные действия и отправили к амазонкам самых молодых и красивых своих юношей, настрого запретив им применять оружие, а действовать только мирными средствами. Долго добивались скифы благосклонности своих нравных воительниц. Наконец, амазонки смилоstinивились и согласились принять скифских мужей. От этих браков появился на свет новый народ – савроматы, близкие скифам по культуре и языку. Савроматские племена кочевали к востоку от Дона, в заволжских и приуральских степях.

Описывая обычаи савроматов, греческие авторы постоянно подчеркивают воинственность и необычайно высокое социальное положение женщин в этом кочевом племени. Они объясняли это тем, что савроматские женщины ведут свое происхождение от гордых амазонок.

«Женщины савроматов, – отмечает Геродот, – исстари ездят верхом, ходят на войну, носят мужскую одежду. Ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые из них умирают в старости безбрачными, потому что не смогли выполнить этого требования».

На первый взгляд такое описание воинственных савроматских женщин выглядит довольно фантастическим. Да и сама легенда о происхождении савроматов долгое время не вызывала доверия в научных кругах.

Однако широкие исследования савроматских курганов Поволжья и Приуралья в 60-70-е гг. XX в. заставили совершенно по-иному взглянуть на сведения античных историков. Древняя легенда неожиданно получила веское подтверждение в виде находок богатых женских захоронений с набором боевого оружия и конской сбруи. Это сразу же заставило вспомнить предания о конных женщинах-воинах.

*Илл. 36. Изображение амазонок с греческих расписных сосудов.
VI–V вв. до н. э.*

Но и это еще не все. Особые почести, воздаваемые умершим женщинам при погребении, и тот факт, что вокруг древнего кургана с женским захоронением часто возникал целый могильник, говорят о глубоком почитании женщины у савроматов, о наличии у них культа Матери-прародительницы. Савроматские женщины были не только храбрыми воинами. В их руках находилось отправление всех сложных религиозных церемоний. Только в женских погребениях встречаются переносные каменные алтари для жертвоприношений. Судя по исследованным могилам, похороны жриц отличались особой пышностью и сложным ритуалом. В могилы клали кусочки особой краски, символизовавшей жертвенную кровь, мел, обладавший, по поверьям, очистительной силой, магические бронзовые зеркала, золотые украшения, ритуальные костяные ложечки с изображениями зверей и полный набор оружия, прежде всего, колчан со стрелами и лук.

*Илл. 37. Битва греков с амазонками.
Роспись кратера, V в. до н. э.*

Чем же объяснить столь странные обычаи савроматских племен? Может быть, и вправду тем, что их женщины считали себя потомками амазонок? Конечно, нет. У савроматов, как и у многих других народов земного шара, долгое время сохранялись пережитки матриархата, характерного для более ранней ступени развития человеческого общества. А древнегреческие авторы облекли вполне реальные этнографические факты, которые они наблюдали у соседних варварских племен, в форму красивой поэтической легенды.

Но история с амазонками на этом не кончается. Ведь античная историческая традиция, начиная с Геродота, прочно связывала с амазонками не Поволжье и Приуралье, где найдено большинство могил савроматских женщин с оружием, а район Северного Приазовья (Меотиды) и устье реки Дон (Танаис). «Вокруг Танаиса обитают амазонки», – пишет Аммиан Марцеллин. Псевдо-Плутарх сообщает, что Танаис назывался прежде «Амазонской рекой», потому что «в ней купались амазонки». Но ведь названные земли принадлежали, как показали археологические исследования, не савроматам, а скифам. О том же говорят и греко-римские источники.

Получалась весьма странная картина. Согласно античной письменной традиции, амазонки, благополучно перебравшись со своей легендарной прародины в Малой Азии на берега Северного Причерноморья и Приазовья, должны были неминуемо попасть в пределы Скифии. А некоторые археологи упорно отстаивали версию о том, что «амазонки» – это только савроматки Поволжья и Приуралья, поскольку лишь там встречаются женские захоронения с оружием.

Ситуация стала меняться в последние десятилетия, когда благодаря широкомасштабным археологическим исследованиям в степной и лесостепной частях Скифии между Днестром и Доном удалось обнаружить значительное количество точно таких же погребений женщин-воительниц, как у савроматов. Только к 1991 г. на территории европейских скифов было выявлено (при активном участии антропологов) свыше 120 женских могил с оружием.

До 70 % этих погребений принадлежали девушкам и молодым женщинам в возрасте от 16 до 30 лет. Единственным исключением оставалась здесь до последнего времени область Среднего Дона.

Амазонки Среднего Дона, или «Виват, антропология!»

Летом 1993 г. мы раскопали один из курганов во вновь открытом могильнике у с. Терновое, в 90 км к югу от Воронежа (курган № 6). Высота его насыпи, сильно разрушенной пахотой, не превышала 1 м, диаметр – около 18 м. Под насыпью, в центре кургана на уровне древнего горизонта, на помосте из дубовых досок находилось погребение скифского периода. Оно было дважды ограблено еще в древности. От скелета уцелели лишь обломки черепа, несколько зубов и фрагменты костей рук. И тем не менее, количество и качество находок из этого полуразрушенного захоронения превзошло все наши ожидания: золотые ладьевидные серьги и дутые золотые бусы (8 штук) – изделия греческих мастеров Боспора, бронзовое круглое зеркало с деревянной ручкой, две бусины из черной стекловидной пасты (одна в виде головки барана), а также 30 бронзовых наконечника стрел и два железных дротика. Судя по вещам, курган относился к IV в. до н. э.

Еще находясь в экспедиции и изучив в порядке подготовки будущего полевого отчета найденный археологический комплекс, я пришел к выводу, что имею дело с парным погребением: мужским и женским. Об этом, на мой взгляд, ясно говорили сами вещи: предметы вооружения принадлежали мужчине-воину, а украшения и зеркало – его спутнице, жене или наложнице.

Более того, написав черновик отчета, я как-то вечером поделился своими соображениями с коллегами. Ситуация казалась настолько очевидной, что возражений с их стороны не последовало, и вопрос, таким образом, вроде бы был решен. И вдруг наш антрополог – Мария Всеволодовна Добровольская, хрупкая молодая женщина с большими голубыми глазами, дождавшись, когда все разойдутся, тихо, но твердо сказала мне: «В этом погребении представлены остатки лишь одного человека и таковым является особа женского пола в возрасте 20–25 лет». В первый момент я не на шутку рассердился. Логика моих рассуждений казалась абсолютно несокрушимой: оружие есть – значит, мужчина, женские же украшения и зеркало говорят о присутствии дамы. Ведь я твердо знал, что вооруженные женщины – потомки амазонок – обитали на сотни километров к востоку от Дона, в савроматских землях. А в наших краях после почти ста лет раскопок об амазонках и «слухом не слыхивали». В общем, разговор получился резким и неприятным для обеих сторон. И, по возвращении в Москву, не желая прослыть среди своих товарищей по профессии консерватором и самодуром, я попросил известнейшего российского антрополога Т.И. Алексееву собрать консилиум специалистов и окончательно похоронить сенсацию с амазонками на Среднем Дону.

Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что прав не я, а молодая «антропологиня». Пришлось смирить свою гордыню и исправить отчет.

И, слава богу, что я сделал это как раз вовремя. Поскольку на следующий год новые находки на том же курганном поле полностью подтвердили вывод Марии Добровольской о наличии в среднедонских скифских могилах захоронений вооруженных женщин.

Курган № 5, сильно распаханный, высотой чуть больше метра, в действительности оказался весьма внушительным сооружением до 40 м в диаметре и не менее 5 м в высоту. Погребальный комплекс окружал ров. В центре, под насыпью, внутри выложенного полукругом вала из желтой глины находилась облицованная досками прямоугольная яма площадью свыше 25 кв. м и глубиной до 2 м. Перекрытие держалось на 20 деревянных столбах.

Захоронение было ограблено еще в скифские времена и, видимо, еще до того, как рухнула крыша деревянного склепа; во всяком случае, гробница, несмотря на свои внушительные размеры, была «очищена» почти полностью. Мы обнаружили лишь обломки человеческого черепа, несколько бронзовых и железных наконечников стрел, бронзовую бляху от

конской узды и с десятков штампованных золотых бляшек для одежды или погребального полога.

Несколько сгладили наше разочарование находки в дромосе – коридоре, ведущем в склеп с юго-восточной стороны²³. Грабители или не заметили его, или не сочли достойным своего внимания – ведь в дромосах и вспомогательных нишах скифских захоронений размещали обычно жертвенную пищу и питье. И, по-видимому, присутствовавшие в ряде случаев на похоронах грабители заранее знали, что и где надо брать. Мы обнаружили все предметы в первозданном порядке. В восточном, самом дальнем от могилы конце коридора лежали разрубленные на куски части туши лошади и железный нож с костяной рукояткой, а также остатки деревянных сосудов с бронзовыми и серебряными оковками, глиняные кувшины и чашечки.

По данным антропологов, в кургане была захоронена молодая женщина около 20–25 лет. Ее захоронили с украшениями и оружием – колчаном стрел. Каменное блюдо-жертвенник, которое было найдено в окружающем погребальном кольцевом ровике, говорит о том, что женщина могла исполнять какие-то жреческие функции.

Еще одним «амазонским» курганом стал курган № 8 у с. Терновое, раскопанный в 1996 г., – невысокий холмик, сильно разрушенный многолетней пахотой. Еще до начала работ никто из нас не сомневался, что курган – скифский и притом, судя по обломкам греческой амфоры на поверхности, наверняка, ограбленный.

Илл. 38. Роговой гребень с фигурой гепарда. Погребение амазонки. Курган № 8 у с. Терновое, IV в. до н. э.

Бульдозер быстро снес остатки насыпи, и перед нашим взором открылась могильная яма размерами 4х4 м, вырытая в желтой материковой глине. Яму окружал кольцевой ровик диаметром свыше 20 м и глубиной 1,45 м. Внутри него мы обнаружили кости овцы – следы поминальной тризны. Стенки могилы были облицованы вертикальными досками, а плоское перекрытие из деревянных брусьев держалось на 9 опорных столбах. Впоследствии над гробницей был возведен «шатер» из тонких бревен и жердей.

²³ Дромос имел 7 м в длину и 1,1 м в ширину

После расчистки выявилась печальная картина разрушенной и опустошенной могилы. В одном углу склепа лежали остатки человеческого скелета, принадлежавшего молодой женщине в возрасте 20–25 лет. В другом углу мы нашли буквально втоптанные в глину пола золотые оковки от несохранившейся деревянной чаши, а также мелкие золотые бляшки для одежды или обуви.

Вдоль северной стены могилы валялись вдребезги разбитые глиняные кувшины. Оказалось, что они привезены на Средней Дон издалека: один – из Прикубанья, другой – с Боспора. Здесь же был найден и единственный уцелевший после грабительского погрома железный наконечник стрелы. Но самая главная и притом совершенно неожиданная находка ожидала нас в конце работы: на дне склепа, матово поблескивая в ярких солнечных лучах, перед нами

лежал великолепный резной гребень из оленьего рога, украшенный сверху фигурой гепарда. Уже с первого взгляда было очевидно, что это – подлинный шедевр скифского искусства, ведь изображения гепардов никогда прежде не встречались в курганах. По степени сохранности и по художественному совершенству наша находка могла считаться уникальной.

Погребение в кургане № 8 было отнесено нами к IV в. до н. э. Оно принадлежало не просто богатой и знатной молодой женщине (о чем говорили пышность погребального ритуала, размеры гробницы, остатки золотых сокровищ и наличие деревянной чаши с золотыми оковками – признак высокого социального статуса у скифов), но «амазонке», т. е. женщине вооруженной. Всего же за 10 лет работ на могильнике у сел Терновое и Колбино (1993–2002) нам удалось в 49 раскопанных курганах найти 6 захоронений женщин-воительниц.

«Золотая дама», или исполнение мечты археолога

И все же судьба подарила мне радость – быть свидетелем и участником одного редчайшего открытия: находки неограбленной, абсолютно целой скифской гробницы. Все решил счастливый случай. В 1996 г. после полного завершения исследований той части курганного поля, земли которого принадлежали сельхозкооперативу с. Терновое, мы должны были продолжить свои работы уже на территории, принадлежавшей с. Колбино. По договоренности с колбинскими властями, тот участок черноземов, где возвышались два самых больших центральных кургана всей группы (курганы № 15 и 16), нам обещали не засеять, оставить под паром. Однако, приехав в конце июня 1997 г. к месту будущих работ, я с ужасом увидел, что мои холмы заняты посевами густой и еще совсем зеленой пшеницы. Пришлось срочно мчаться в село за разъяснениями. Председатель местного кооператива Михаил Николаевич Симонцев, всегда сочувственно относившийся к нашей работе и помогавший нам по мере сил, принял меня очень радушно, объяснил, что из-за претензий кредиторов пришлось весной засеять и оставленное под пар поле. «Но мы выкосим на зеленый корм скоту любой нужный вам участок», – добавил он.

Илл. 39. «Первая борозда».

Начало раскопок кургана бульдозером

Но, вернувшись опять к «драгоценным» курганам, я понял: если мы выберем для исследования именно их, то колбинские кооператоры неминуемо понесут большие потери: оба холма стояли в самом центре засеянного поля и занимали площадь не менее гектара каждый. Тогда-то я и выбрал для раскопок чуть меньший по размерам курган № 18, находившийся гораздо ближе к кромке поля.

В жизни археолога случай, везение, играют огромную роль. В этой истории счастливый случай помог нам дважды. Первым стал выбор – вынужденный! – кургана № 18 в качестве главного объекта исследований. О второй счастливой случайности речь пойдет позже.

Подступились мы к нашему «счастливому» кургану не сразу. Сначала необходимо было решать другие задачи. Полевой сезон (обычно это июль и часть августа) перевалил

уже на вторую половину. Еще неделя-другая и сотрудники начнут разъезжаться по домам. Похвастаться же было, увы, нечем: два уже раскопанных нами кургана (№ 19 и 20) оказались полностью разграбленными. Оставалось надеяться лишь на последний курган – № 18.

Остатки его насыпи все еще возвышались над землей более чем на полтора метра, диаметр достигал 50 м. Сразу же под слоем чернозема мы обнаружили остатки тризны: обломки посуды и кости животных. Когда насыпь удалили полностью, то открылась огромная могильная яма площадью около 50 кв. м со столбовой конструкцией, облицованная деревом. Был обнаружен также длинный (7 м) дромос. Однако гробница (погребение № 1) оказалась полностью опустошенной древними кладоискателями. Уцелели лишь одна греческая амфора, пучок железных наконечников стрел и нож с костяной рукояткой в виде грудины лошади. По нескольким сохранившимся костям человеческого скелета антропологи установили, что он принадлежал мужчине в возрасте 45–50 лет. Увы, чуда не произошло: столько времени и сил потрачено, а в результате – почти пустая могила.

*Илл. 40. Зачистка бровки и могильного пятна.
Курган № 18 у с. Колбино*

Казалось, что исследования кургана № 18 приблизились к своему логическому концу, когда неожиданно в полуметре от центральной гробницы при зачистке показалось еще одно большое темное пятно прямоугольной формы. Еще одно погребение? Да, это была «впускная»²⁴ могила размерами 4,3х3,8 м. В северной части усыпальницы лежали два скелета – женский и мужской. Но здесь я несколько забежал вперед. Ведь все детали устройства и содержимого этого бокового захоронения были выявлены гораздо позже, после длительной и кропотливой работы. А сначала все мы испытали великую радость первооткрывателей абсолютно целого скифского погребения – первого на Среднем Дону.

²⁴ «Впускная» могила – могила, сделанная в уже существующем кургане позже основного захоронения.

Илл. 41. Расчистка впускного погребения.

Курган № 18 у с. Колбино, погребение № 2 («золотой дамы»)

Произошло это так. Не успели наши студенты-землекопы углубиться в боковую могилу и на полметра, как вблизи ее северной стенки лопата глухо ударилась о какой-то предмет. Это был человеческий череп, совершенно целый. Затем показались и другие части скелета. Лопаты пришлось отложить в сторону и в ход пошли совки, ножи и кисти. Работали, почти не дыша. Осторожное движение кисти – и в неярком свете пасмурного дождливого дня тускло засверкали желтоватые россыпи золота. Его было много, очень много. Грабители просто не знали, не догадались, что в кургане есть вторая могила. Вот она – еще одна счастливая случайность!

Итак, перед нами в полной сохранности лежали два человеческих скелета – женщины 55–60 лет и мужчины 35–40 лет. Главенствующую роль в этой паре, безусловно, играла женщина. Во-первых, именно ее похоронили первой и именно для нее соорудили довольно внушительную деревянную гробницу. Во-вторых, именно ей принадлежало большинство драгоценных предметов, найденных в этой могиле. И, наконец, последнее: мужчину поместили в гробницу на несколько лет позже, чем было сделано первое захоронение.

Чуть ниже черепа женщины лежала россыпь золотых украшений из тонкой золотой фольги со штампованным изображением головы кабана. Вероятно, это было нагрудное украшение, состоявшее из широкой кожаной ленты-основы, на которую и нашивались бляшки-кабаны. Непотревоженным сохранился лишь один, самый верхний ряд из 18 бляшек, остальные были разбросаны грызунами.

По обеим сторонам женского черепа находились крупные золотые серьги (подвески) в виде незамкнутого кольца, украшенные изображением, скорее всего, пантеры, стоящей на пьедестале, к которому колечками крепились по шесть подвесок в виде желудей. Пальцы обеих рук погребенной украшали золотые перстни с незамкнутыми концами. Весь скелет был усеян множеством крохотных полусферических золотых нашивных бляшек для одежды (около 120 штук).

Рядом с изголовьем были найдены остатки небольшой деревянной полусферической чаши, от которой сохранились четыре золотые оковки из тонкой фольги и миниатюрные золотые гвоздики, крепившие оковки к чаше. Там же находился греческий круглодонный серебряный кубок без каких-либо орнаментов или изображений. В ногах погребенной лежало серебряное, с примесью меди, круглое зеркало с ручкой, которое имело два чехла: внутренний – из ткани и внешний – из кожи. Здесь же, неподалеку, мы нашли изящное ожерелье из крупных пастовых, «глазчатых» бус и мелкого стеклянного бисера.

Что касается мужского погребения, то набор сопровождавших его вещей был гораздо скромнее. Между ног умершего был помещен колчан с 30 железными втульчатыми трехлопастными наконечниками стрел. А в районе бедренных костей и стопы обнаружено до 20 серебряных и золотых полусферических нашивных бляшек с петелькой на обороте, служивших, вероятно, для украшения сапог и штанов.

В центральной части могилы лежала раздавленная землей греческая амфора. Рядом с ней – еще один колчан со стрелами и два железных шила. Жертвенная пища представлена ребрами и ножной костью лошади.

Судя по амфоре, относящейся к довольно редкому «колхидскому» типу, весь этот археологический комплекс можно отнести ко второй половине IV в. до н. э.

В раскопанной нами гробнице из кургана № 18 – все необычно и интересно. Прежде всего, уникальны золотые серьги с пантерами. Аналогий им в скифском и эллинском искусстве практически нет. Больше всего похожи на них золотые серьги из «царского» кургана из Рыжановки (под Киевом), но там пантеры имеют крылья и у них нет дисков в носках.

Илл. 42. Скелет женщины (справа) и мужчины (слева), рядом – раздавленная греческая амфора.

Курган № 18 у с. Колбино, погребение № 2

Необычна и сама «золотая дама», похороненная в боковой могиле. Первый же осмотр ее скелета антропологами показал, что покойница была весьма преклонного возраста – 55–60 лет. Чтобы не обижать наших современных женщин, должен сказать, что сравнивать их со сверстницей, жившей в IV в. до н. э., совершенно неправомерно. Пятидесятилетний рубеж

из них преодолевали тогда очень немногие. Средняя продолжительность жизни у женщин в скифскую эпоху составляла всего 33–35 лет. Факт солидного возраста уже сам по себе примечателен и свидетельствует в пользу того, что условия жизни этой женщины были достаточно комфортными.

Дальнейшее изучение скелета выявило ярко выраженные формы склеротического изменения позвоночника, что, видимо, сильно ограничивало подвижность женщины и служило для нее причиной постоянной острой боли. Верхняя челюсть умершей практически полностью лишена зубов из-за какой-то тяжелой болезни.

Таким образом, можно предположить, что особа, погребенная в кургане № 18 в боковой гробнице, занимала достаточно высокое положение в местном скифском обществе. Об этом можно судить не только по пышности похоронного ритуала и богатству сопровождающих вещей, но и по тому, что само существование этой женщины требовало на протяжении многих лет постоянного внимания и заботы.

Итак, в 1997 г. нами было найдено первое полностью сохранившееся неограбленное захоронение скифского времени на Среднем Дону. К тому же в нем оказалось немало изделий из золота. Правда, это было какое-то странное золото. При ближайшем рассмотрении перед нами предстала лишь видимость реального богатства, поскольку многие найденные здесь золотые украшения – «кабанчики», оковки деревянной чаши, нашивные бляшки и даже перстни – были сделаны из тонких листиков золотой фольги. Создается впечатление, что все упомянутые вещи делались в большой спешке и с относительно малыми затратами драгоценного металла.

Еще в 1917 г. М.И. Ростовцев высказал предположение о том, что значительная часть предметов из погребального инвентаря богатых скифских курганов и, в частности, нашивные штампованные бляшки из золотой фольги, изготавливались специально для похорон. Ведь трудно себе представить знатного скифского военачальника, который носил бы в повседневной жизни одежду, обувь и оружие, сплошь расшитые золотыми пластинами и бляшками из тонкой, мягкой и потому очень ломкой золотой фольги.

Илл. 43. Золотые серьги с фигурами пантер.

Курган № 18 у с. Колбино, погребение М2, IV в. до н. э.

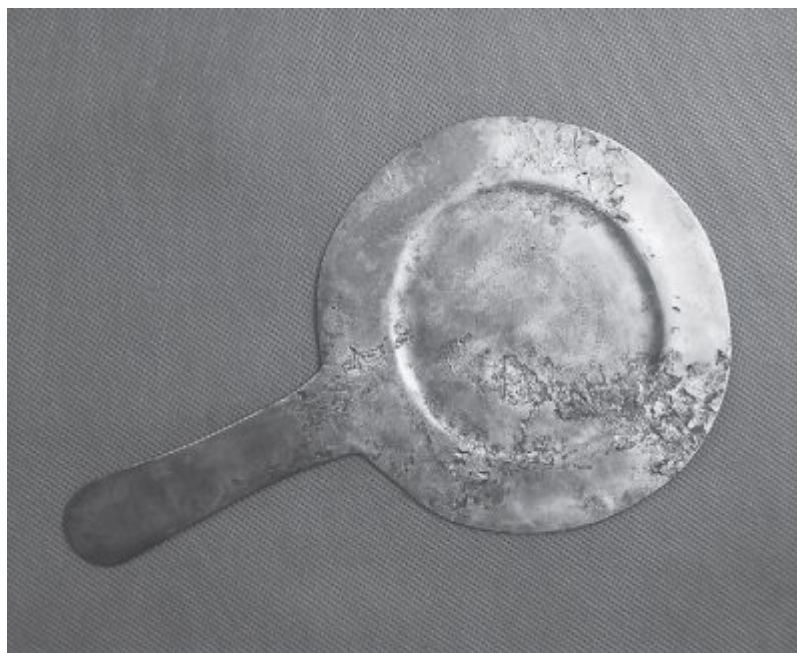
Теперь эту догадку мы можем подкрепить новыми фактами. На примере колбинских материалов хорошо видно, что основную массу украшений при знатной покойнице составляли нашивные бляшки из золотой фольги. Видимо, эти вещи производились местными мастерами по срочному заказу родственников умершей. Но ведь точно такие же бляшки (в количестве от одного до нескольких экземпляров) мы находим и в других погребениях исследуемого нами курганного могильника, правда, уже основательно опустошенных грабителями (например, курган № 1 у с. Колбино, курганы № 5 и 8 у с. Терновое). Такие похоронные аксессуары могли быть сделаны ремесленником достаточно быстро, если у него были готовые штампы и сырье. Во всяком случае, такие «типовые» изделия мы встречаем во многих раскопанных скифских курганах Среднего Дона, даже и в начисто разграбленных.

Илл. 44. Серебряный греческий сосуд.

Курган № 18 у с. Колбино, погребение № 2, IV в. до н. э.

Не менее успешным оказался для нашей экспедиции и полевой сезон 1998 г. Мы вели тогда раскопки в юго-западной части курганной группы у с. Колбино. Особое место среди других погребальных комплексов, изученных нами тем летом, занял курган № 7. Его высота перед раскопками достигала 2 м, диаметр – 35 м. Под насыпью находился почти квадратный помост на 20 опорных столбах размером около 50 кв. м. На помосте был установлен сруб из горизонтально уложенных брусьев, а над ним возведен «шатер» из бревен. Анализ показал, что после церемонии похорон это сооружение было подожжено, а уже затем засыпано землей.

Илл. 45. Серебряное зеркало.

Курган № 18 у с. Колбино, погребение № 2, IV в. до н. э.

В северо-западном углу погребальной камеры мы обнаружили лежавшие беспорядочной грудой кости женского и верхней части мужского скелетов – явные следы ограбления. Нижняя часть мужского костяка, примерно от уровня тазовых костей и ниже, сохранилась непотревоженной. Поперек бедер погребенного лежал длинный железный меч с обложенной золотым листом рукояткой, на которой были видны штампованные изображения животных.

Вокруг скелета и на нем удалось найти около 50 тонких золотых пластин с дырочками для нашивания на одежду с изображениями лошади или кулана. Неподалеку от меча обнаружена лента оплетки нагайки из толстой золотой фольги, а также несколько ажурно вырезанных золотых оковок (с отверстиями для миниатюрных золотых гвоздиков), явно служивших обкладками деревянного сосуда.

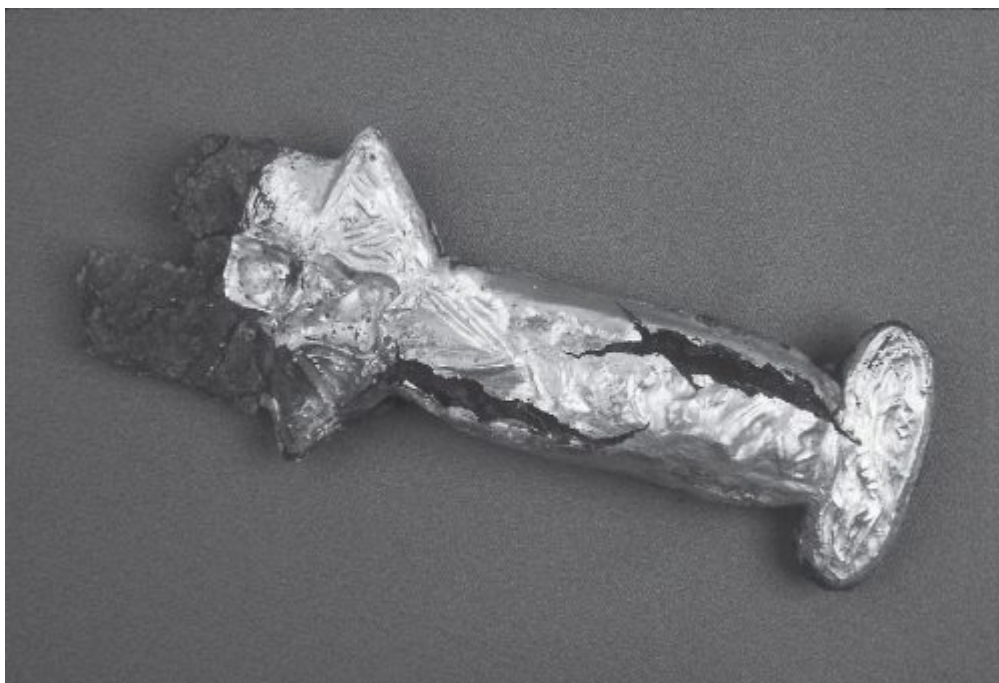
У западной стены гробницы мы обнаружили железные наконечники копий и дротиков, остатки колчана с 95 наконечниками стрел, железные удила со стержневидными псалиями²⁵ и конские налобники, а также стеклянные «глазчатые» бусы и мелкий бисер. Среди этих находок особый интерес представляет, безусловно, меч. По общей форме рукояти, технике изготовления ажурного, сваренного из двух стальных полос клинка и орнаменту он полностью повторяет мечи из знаменитого кургана Чертомлык в степной Приднепровской Скифии. В обоих случаях на навершии рукояти изображен какой-то бегущий зверь с повернутой назад головой (возможно, лань), на треугольном перекрестье – крылатые орлиноголовые грифоны, стоящие друг перед другом, а вдоль рукояти оттиснута фигура оленя со странными, ветвистыми, устремленными вперед рогами. Совпадение всех этих деталей настолько велико, что можно говорить не просто о сходстве чертомлыцких и колбинских мечей, но и о полной их идентичности. Не исключено, что оружие было выковано одним и тем же кузнецом и украшено одним и тем же мастером.

²⁵ Псалии – часть уздечного набора, пара стержней, прикреплявшихся к концам удили для закрепления их во рту коня.

Илл. 46. Меч с золотой рукояткой. Общий вид. Курган № 7 у с. Колбино, IV в. до н. э.

Но на этом совпадения не заканчиваются. Точно такой же меч был найден в каменной гробнице кургана № 8 в группе «Пять братьев» на Нижнем Дону, а совсем недавно с подобной же находкой повезло украинским археологам (меч из кургана № 11 ус. Старый Мерчик на Харьковщине). Наш колбинский курган можно, таким образом, вслед за Чертомлыком датировать третьей четвертью IV в. до н. э.

Илл. 47. Меч с золотой рукояткой. Рукоять, деталь. Курган № 7 у с. Колбино, IV в. до н. э.

В 2002 г. история с мечами «чертомлыцкого типа» получила свое продолжение. В кургане № 36 у с. Колбино мы нашли в разграбленном парном погребении еще один меч. Он

имел ажурный клинок и сильно испорченную ржавчиной рукоять без каких-либо признаков золотой обкладки. И хотя по общим своим очертаниям меч явно походил и на чертомлыцкие, и на предыдущую находку из того же колбинского могильника, мы не придали данному факту особого значения. Каково же было всеобщее удивление, когда после тщательной реставрации в лаборатории Института археологии РАН на поверхности рукояти меча отчетливо проявился рельеф с теми же самыми зооморфными фигурами, которые украшали золотые обкладки мечей из Чертомлыка и кургана № 7: бегущая лань с повернутой назад головой – на навершии, «пузатый» олень с ветвистыми, направленными вперед рогами на рукояти и два орлиноголовых грифона в геральдической позе на перекрестье.

Илл. 48. Роговая ритуальная чашечка. Курган № 8 у с. Колбино

Таким, почти случайным, образом выявилась весьма существенная деталь: древние мастера вырезали определенные (в том числе и зооморфные) мотивы по металлу, а потом уже, перед похоронами владельца меча, покрывали рукоять тонкой золотой фольгой и с помощью дополнительной обработки переносили узор на золото.

Глава 3 Скифы – кто они?

*Мы блаженные сонмы свободно кочующих
скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Бросив замок Ольвийский с его изваяньями
грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.
Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи
От востока на запад молитвенным светят
лучом.
Только богу войны темный хворост слагаем мы в
кучи
И вершину тех куч украшаем железным мечом.
Саранчой мы летим, саранчой на чужое
нагрянем,
И бесстрашно насытим мы алчные души свои.
И всегда на врага тетиву без ошибки натянем,
Напивавши стрелу смертоносною желчью змеи.
Налетим, прошумим – и врага повлечем на аркане,
Без оглядки стремимся к другой непочатой
стране.
Наше счастье – война, наша верная сила – в
колчане,
Наша гордость – в незнающем отдыха быстром
коне.*

К. Бальмонт

От горных хребтов Алтая и Тувы до полноводного Дуная широкой полосой раскинулись бескрайние евразийские степи. В начале I тыс. до н. э. здесь обитали многочисленные кочевые племена скотоводов.

Они принадлежали к индо-европейской семье народов и говорили на различных диалектах иранского языка.

По мнению известного ученого А.Ю. Алексеева, «скифы – общее название многих близких по культуре, хозяйственному укладу, образу жизни и идеологическим представлениям кочевых племен Евразии».

Название скифам дали греки, впервые столкнувшиеся с ними в VII в. до н. э. в Малой Азии, а затем и в Северном Причерноморье, где самые первые греческие колонии возникли во второй половине VII в. до н. э. Благодаря дошедшим до нас сведениям античных историков, наибольшую известность приобрели так называемые европейские скифы, жившие в степных и лесостепных областях Северного Причерноморья с VII по III вв. до н. э.

«Происхождение этих скифов, – пишет А.Ю. Алексеев, – до сих пор во многом остается загадочным, несмотря на существование многочисленных легендарных и научных версий, первые из которых появились еще в древности.

И дело не только в том, что современники скифов – греческие и римские историки и писатели – оставили на этот счет не вполне ясные свидетельства, но и в том, что археологи-

ческие истоки культуры скифов-номадов²⁶ до сих пор отчетливо не прослеживаются. Речь может идти лишь о признании факта неевропейского происхождения отдельных элементов скифской культуры, таких, как конская узда, оружие и художественный, так называемый скифский звериный стиль. Но независимо от того, какой именно регион Евразии следует считать прародиной скифов, два фактора их истории установлены вполне надежно: по своей антропологической принадлежности скифы были европеоидами, а по языковой – индоевропейцами; носителями одного из древнеиранских языков».

Этому высказыванию весьма авторитетного российского скифолога нельзя не верить. Но, вместе с тем, существует множество нерешенных вопросов о том, кто такие скифы, где зародилась их великолепная культура, чем скифы европейские отличаются от скифов азиатских. И данный список бесконечен.

²⁶ Номады – кочевники-скотоводы степной и лесостепной зон Евразии.

Среди степей и дубрав

Прежде чем приступить к рассмотрению спорных вопросов скифской истории, следует обратить внимание на то, в каких природных условиях возникла и развивалась культура этих воинственных номадов.

Как уже отмечалось выше, обширная степная равнина, которую скифы и родственные им кочевые племена – саки, массагеты, исседоны, савроматы и др. – занимали в течение всего I тыс. до н. э., простирается от Дуная и Карпат на западе до Северной Монголии, Тувы и Алтая на востоке.

Великая Степь образует особый единый природный и историко-культурный комплекс; бескрайние равнины и пастбища предоставляли кочующим людям все возможности для дальних переселений и взаимных контактов.

Суровые холода зимой и испепеляющий зной летом затрудняли земледелие, что с лихвой компенсировалось богатейшими животными ресурсами. Жители степи обеспечивали себя пищей, разводя стада лошадей, а также охотясь на бесчисленных лосей, медведей, волков, леопардов, бизонов, кабанов, зайцев, сусликов и т. д.

Европейская половина отличалась более мягким климатом и была более плодородной, чем азиатская. Ее пересекали великие реки: Волга, Дон, Днепр, Буг, Днестр. Население этого региона было обеспечено огромными запасами рыбы и имело доступ к ценным залежам соли. Воды великих рек насыщали почву, но не служили помехой для передвижения.

Илл. 49. Золотая бляха с изображением конного скифа.

Курган Куль-Оба

Таким образом, кочевники имели возможность свободно перемещаться по всему огромному региону, перегоняя скот или преследуя дичь, не преодолевая никаких серьезных географических преград.

О преимуществах природных условий степи пишет и «отец истории» Геродот, являвшийся современником «золотого века» скифской истории. «Страна скифов²⁷, – отмечает он, – представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину. По этой-то равнине протекает почти столько же рек, сколько каналов в Египте. Я назову только самые известные реки и судоходные от моря в глубь страны. Прежде всего, это Истр с пятью устьями, Тирас, Гипанис, Борисфен <...> и Танаис»²⁸.

Далее этот греческий автор произносит хвалебную оду в честь главной реки Скифии – Днепра-Борисфена: «Борисфен – самая большая из этих рек после Истра <...> Эта река, как я думаю, не только из скифских рек наиболее щедро наделена благами, но и среди прочих рек, кроме египетского Нила (с Нилом ведь не сравнится ни одна река). Тем не менее, из остальных рек Борисфен – самая прибыльная река: по берегам ее простираются прекрасные тучные пастбища для скота; в ней водится в больших количествах наилучшая рыба; вода приятна на вкус для питья и прозрачна (по сравнению с водой других мутных рек Скифии). Посевы вдоль берегов Борисфена превосходны, а там, где земля не засеяна, расстилается высокая трава. В устье Борисфена само собой оседает несметное количество соли. В реке водятся огромные бескостные рыбы под названием „антакеи“ и есть много других диких рыб».

Красота северопричерноморских степей буквально завораживала многие поколения русских поэтов, писателей, путешественников, чиновников, военных. Вот как вдохновенно воспевают «скифскую» степь выдающийся российский писатель и поэт Иван Андреевич Бунин: «Передо мной серело пустынное поле. Один сторожевой курган стоял вдалеке и, казалось, зорко глядел на равнины <...> Время его, думал я, навсегда проходит: в вековом забвении он только смутно вспоминает теперь далекое былое, прежние степи и прежних людей, души которых были роднее и ближе ему, лучше нас умели понимать его шепот, полный от века задумчивости пустыни, так много говорящей без слов о ничтожестве земного существования <...> В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были...»

Необозримы степные просторы Южной России и Украины. Еще совсем недавно, как и тысячи лет назад в скифскую эпоху, ничто не нарушало их векового однообразия: бездонное голубое небо, палящее солнце и безбрежное море пахучих трав и цветов. Неповторимое очарование причерноморских степных просторов с их вековыми молчаливыми стражами – древними курганами – вдохновляло многих выдающихся представителей русской литературы и поэзии.

²⁷ Имеется в виду страна европейских скифов, от Дуная до Дона.

²⁸ Соответственно – Дунай, Днестр, Буг, Днепр и Дон.

Илл. 50. Серебряный с позолотой сосуд с изображением скифов, охотящихся на львов. Курган Солоха, V–IV в. до н. э.

Но не только красоты бескрайних степей привлекали к себе внимание лучших умов русской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. Их манила к себе и история древних обитателей степи и, особенно, история скифов. Интерес общественности во многом стимулировали выдающиеся археологические открытия в степном Приднепровье, где с 50-х гг. XIX в. велись организованные Императорской Археологической Комиссией широкие раскопки курганов высшей скифской знати и были найдены фантастические сокровища.

Поразительная вещь: почти все поэты и литераторы «серебряного века» в той или иной степени затрагивали в своем творчестве *скифскую тему*. Здесь можно вспомнить Валерия Брюсова и Константина Бальмонта, Александра Блока и Зинаиду Гиппиус, Николая Гумилева и Анну Ахматову, Осипа Мандельштама и Ивана Бунина, а также многих других.

Немалую роль сыграл и заметно возросший в тот период в русском обществе интерес к историческому прошлому страны и, особенно, к многовековому противостоянию Руси и беспокойного мира кочевых племен – «Дикого Поля», «Степи». Скифы были лишь первой, наиболее ранней волной воинственных народов, пришедших из глубин Азии. Поэтому нередко реальный образ скифов незаметно подменялся в глазах некоторых российских художников и поэтов картинами из жизни более поздних средневековых кочевников – половцев, печенегов, тюрок, татаро-монгол. Так, на знаменитой картине В. Васнецова «Битва русских со скифами», судя по деталям вооружения и внешнему облику (монголоидные лица), речь идет о сражении русских дружинников со средневековыми кочевниками, а не со скифами. Да этого и не могло быть в реальной жизни: скифы окончательно исчезли в Восточной Европе в III в. н. э. после готского погрома, а Древняя Русь в лице Святослава, Владимира и других киевских князей выходит на арену истории лишь в IX–X вв. н. э.

Такое же смешение чистых европеоидов-скифов с монголоидными тюркоязычными кочевниками Средневековья мы видим и у Александра Блока:

Да, скифы мы, да, азиаты мы,
с раскосыми и жадными очами...

С другой стороны, поразительно, насколько глубоко смогли проникнуть в скифскую тему, досконально изучив все имевшиеся в то время сведения о скифах, некоторые русские поэты, в особенности Валерий Брюсов и Иван Бунин. Первый из них посвятил скифам два больших стихотворения – «Скифы» и «Мы – скифы».

Илл. 51. Лицо скифа с серебряной чаши. Курган «Гайманова Могила»

И если в более раннем своем произведении поэт мыслит еще довольно общими категориями, отражая главную черту кочевых скифских племен – врожденную воинственность и постоянную жажду битвы:

Словно с детства я к битвам приучен!
Все в раздолье степей мне родное!
И мой голос верно созвучен
С оглушительным бранным воем...

то в более позднем стихотворении («Мы – скифы») в краткой, но выразительной форме содержится удивительно точная (даже с научной точки зрения) картина скифской жизни:

Мы – те, о ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, влюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны, – скифы.

Вкруг моря Черного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:
К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.

Мы ужасали дикой волей мир,
Горя зловеще, там и здесь, зарницей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на пути смирен царицей.

Что были мы? – Щит, нож, колчан, копье,
Лук, стрелы, панцирь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налет, – все бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном было!..

В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали деды,
Спят наши грозные цари: во сне
Им грезятся пиры, бои, победы...

А Иван Бунин, великолепный знаток причерноморской степи, так пытается воссоздать картину давно исчезнувшей жизни степняков:

Любил он ночи темные в шатре,
Степных кобыл залихватое ржанье,
И перед битвой волчье завыванье,
И коршунов на сумрачном бугре.

Страсть буйной мощи сиясь утолить,
Он за врагом скакал как исступленный,
Чтоб дерзостью погони опьяненный,
Горячей кровью землю напоить.

Стрелою скиф насквозь его пробил,
И там, где смерть ему закрыла очи,
Восстал курган – и темный ветер ночи
Дождем холодным след его кропил.

Прошли века, но слава древней были
Жила в веках... Нет смерти для того,

Кто любит жизнь, и песни сохранили
Далекое наследие его...

Не обошли своим вниманием скифскую тему и Константин Бальмонт²⁹ и поэт-аристократ А.К. Толстой. Незадолго до революционных событий 1917 г. в Петрограде выходил литературный альманах под названием «Скифы», где печатались стихи многих известных русских поэтов – С. Есенина, Н. Клюева и др. Обложку этого издания украсил своим рисунком художник К. Петров-Водкин.

Так или иначе, русская научная и творческая интеллигенция рубежа веков была искренне увлечена скифской тематикой и передала это увлечение следующим, уже послереволюционным, поколениям. Таким образом, историки XX в. вплотную встали перед необходимостью ответа на вопрос – кто же такие скифы?

Начнем с самого главного – где искать прародину скифов?

²⁹ Его стихотворение «Скифы» приведено эпиграфом к этой главе.

Происхождение скифов

«Практически каждый из исследователей, в той или иной степени соприкасавшийся с историей и археологией скифов, высказывал – хотя бы и вскользь – свои соображения относительно этногенеза последних, – отмечает известный украинский археолог В.Ю. Мурзин. – И это вполне понятно, ибо не определив своего отношения к этой проблеме, нельзя успешно заниматься изучением ни одного пусть даже частного вопроса скифской археологии и истории».

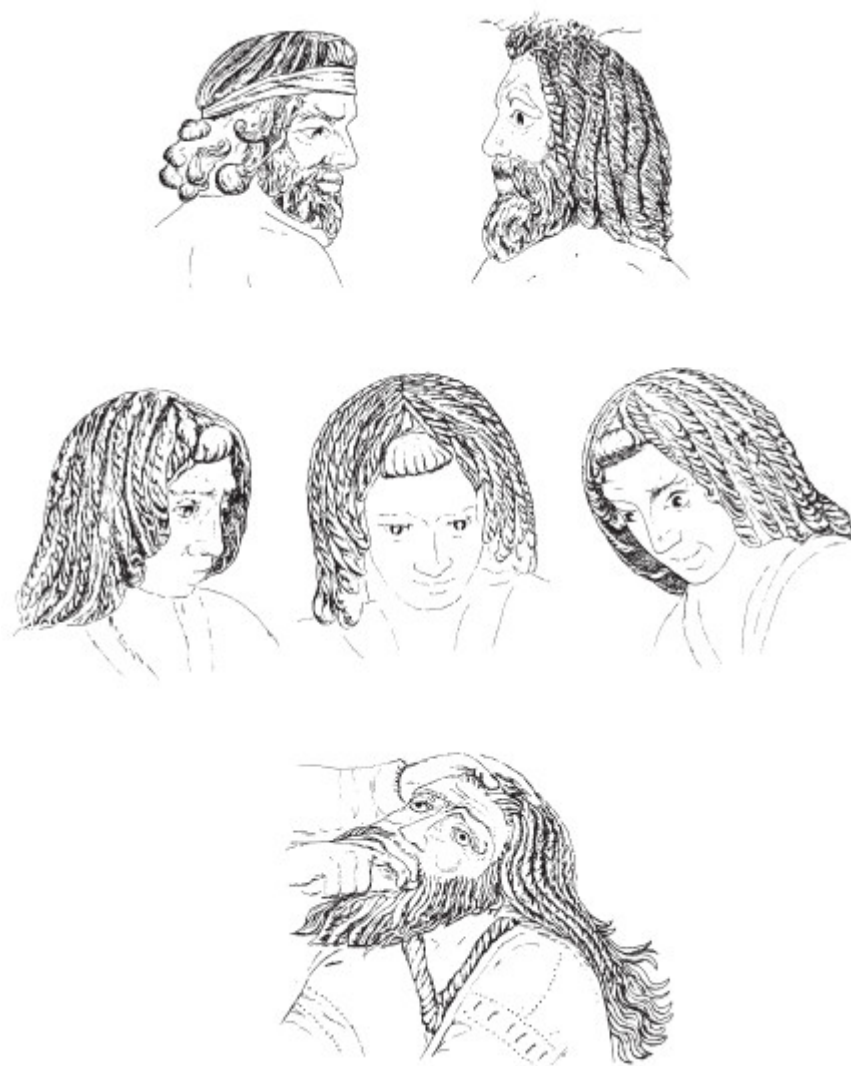
Напомню, что проблема происхождения скифов и их культуры не решена сколько-нибудь убедительно и по сей день. Обилие и противоречивость существующих точек зрения по этому поводу просто поражают. Однако большинство мнений ученых так или иначе примыкает к одной из двух традиционно противопоставляемых гипотез.

Первая гипотеза — так называемая *автохтонная* — наиболее подробно была обоснована Б.Н. Граковым. Он считал, что прямыми предками скифов являлись племена срубной культуры³⁰ эпохи бронзы, проникшие в Северное Причерноморье из Поволжья. Проникновение это было очень медленным и длительным (с середины II тыс. до н. э.), а упомянутая Геродотом миграция скифов «из Азии» (а «Азия» начиналась для античных географов сразу за Доном-Танаисом) — лишь одна из его волн, скорее всего, последняя. Мигранты-«срубники» встретились в степях Причерноморья с более ранними переселенцами из тех же областей, и на основе слияния этих родственных друг другу групп сложилось этнически однородное население скифского времени, говорившее на одном из диалектов североиранского языка. Именно культура срубных племен, испытавшая значительные изменения в ходе перехода от эпохи бронзы к железному веку и от полуседлого образа жизни к подлинному кочевничеству, легла, по мысли Б.Н. Гракова, в основу собственно скифской культуры. Правда, искусство скифов (звериный стиль) и некоторые формы их оружия он считал привнесенными откуда-то извне.

К *граковской* гипотезе примыкает *переднеазиатская версия* известного ленинградского археолога, специалиста по скифам и хазарам М.И. Артамонова. Согласно его точке зрения, срубная культура эпохи бронзы непосредственно предшествовала скифской в Северном Причерноморье и во многом предопределила ее основные черты. Однако возникновение собственно скифской культуры в VII в. до н. э. и, особенно, такой ее яркой черты, как звериный стиль М.И. Артамонов связывал с влиянием развитых цивилизаций Передней Азии.

Вторая гипотеза. Совершенно иначе подходит к решению данной проблемы признанный лидер группы ученых, отстаивающих правомерность так называемой *центральноазиатской гипотезы*, А.И. Тереножкин. По мнению этого исследователя, между населением Северного Причерноморья доскифского и скифского времени не существует ни этнической, ни культурной преемственности. Скифы приходят в регион из глубин Азии в VII в. до н. э. Они принесли с собой уже в основе своей сформировавшуюся культуру в лице знаменитой *триады*, характерного типа вооружения, конской сбруи и художественного звериного стиля.

³⁰ Срубная культура — культура оседлых земледельческо-скотоводческих племен степной и лесостепной зон Евразии, от Урала до Днепра, в эпоху позднего бронзового века (середина — конец II тыс. до н. э.). Названа так по типу захоронений в курганах, где могила часто имеет облицовку из дерева.

Илл. 52. Образы скифов в греческом искусстве. Рисунки Герлинде Томма, Гапинген

В изложенных выше гипотезах по-разному трактуется и вопрос о киммерийцах – предшественниках скифов в Северном Причерноморье, о которых сообщают нам древневосточные и греческие письменные источники.

А.И. Тереножкин настаивает на полном культурном и этническом отличии скифов от киммерийцев и считает, что последним и принадлежали самые поздние памятники местной срубной культуры (черногоровский и новочеркасский комплексы). По Б.Н. Гракову, и скифы, и киммерийцы – прямые потомки «срубников», поэтому они имеют общую культуру и, скорее всего, родственны этнически. Наконец, М.И. Артамонов полагал, что смена киммерийцев скифами в причерноморских степях произошла еще во второй половине II тыс. до н. э., и видел в киммерийцах носителей катакомбной культуры³¹, которых вытеснили (а частично и уничтожили) новые волны кочевников-«срубников», к которым он относил скифов.

Несмотря на кажущуюся несовместимость рассмотренных выше реконструкций этногенеза скифов, во взглядах их сторонников наблюдается определенное сходство. Суть его заключается в том, что большинство археологов, независимо от того, какой концепции они

³¹ Катакомбная культура – культура полукочевых и оседлых скотоводческо-земле-дельческих племен Южной России и Украины III – середины II тыс. до н. э. Названа так по типу могил в виде подбоев (или «катакомб»).

придерживаются, все же считают, что формирование культуры скифов произошло в результате взаимодействия как местных, так и пришлых кочевых племен. Так, А.И. Тереножкин никогда не отрицал роли местного (киммерийского) субстрата в формировании скифского этноса, а Б.Н. Граков, в свою очередь, допускал участие определенного пришлого компонента («скифов-царских») в конечном формировании скифских племен. «Вряд ли есть сомнения в том, – писал в этой связи Б.Н. Граков, – что исторические скифы сложились из пришлых иранских племен и автохтонных их предшественников, может быть, иранских или фракийских по языку».

Разногласия между сторонниками двух концепций выглядят не столь уж непреодолимыми. В принципе, их можно свести к двум моментам:

1) ученые по-разному оценивают влияние местных и пришлых племен на формирование скифского этноса;

2) до сих пор не выработано единого мнения по вопросу, откуда именно в причерноморские степи пришли мигранты. Так, Б.Н. Граков считал, что эти движения племен происходили в рамках территории, занятой срубной культурой, и связывал появление в Причерноморских степях «скифов-царских» со второй волной миграции на запад срубных племен Поволжья.

В свою очередь, А.И. Тереножкин писал, что истоки миграции собственно скифских племен необходимо искать в глубинных районах Азии, где, по его мнению, еще задолго до VII в. до н. э. происходило формирование ряда элементов скифской культуры – типов вооружения, конского убора и «звериного стиля».

Илл. 53. Образы скифов в греческом искусстве. Рисунки Герлинде Томма, Гёттинген

Важную роль в решении проблемы происхождения скифов сыграло открытие кургана Аржан в Туве (IX–VIII вв. до н. э.). «В этом погребальном памятнике, датируемом временем существования в Северном Причерноморье древностей Черногоровки – Новочеркасского клада, были обнаружены вполне развитые образцы материальной культуры скифского типа, а также изделия, выполненные по канонам скифского звериного стиля, – отмечает В.Ю. Мурзин. Эти находки вполне укладываются в схему А.И. Тереножкина, согласно которой сложение собственно скифской культуры происходило в глубинных районах Азии несколько ранее VII в. до н. э.».

Но прежде чем окончательно убедиться в степени обоснованности фактами каждой из названных гипотез, обратимся к старым летописям и, главным образом, к «Истории» Геродота.

Скифы говорят, что их народ моложе всех других и произошел следующим образом: в их земле, бывшей безводной пустыней, родился первый человек, по имени Таргитай; родителями этого Таргитая они называют, по моему мнению, неверно,

Зевса и дочь реки Борисфена. Такого происхождения был, по их словам, Таргитай, а у него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. При них упали-де с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Старший из братьев, первым увидев эти предметы, подошел ближе, желая их взять, но при его приближении золото воспламенилось. По его удалении подошел второй, но с золотом повторилось то же самое. Таким образом, золото, воспламеняясь, не допускало их к себе, но с приближением третьего брата, самого младшего, горение прекратилось, и он отнес к себе золото. Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство. И вот от Липоксая-де произошли те скифы, которые носят название рода авхатов; от среднего брата Арпоксая – те, которые называются катиарами и траспиями, а от младшего брата – те, что называются паралатами; общее же название всех их – сколоты по имени одного царя; скифами называли их эллины <...>

Так рассказывают скифы о своем происхождении; лет им с начала их существования, или от первого царя Таргитая до похода на них Дария, по их словам, круглым счетом не более тысячи, а именно столько.

Эту легенду сохранил для нас Геродот, который во время своих многочисленных путешествий посетил и Северное Причерноморье, а точнее, – греческий город Ольвию (в устье Днепро-Бугского лимана), где мог лично наблюдать жизнь скифов и через переводчиков записывать наиболее интересные их рассказы.

Но есть и иная, эллинская, версия мифа о происхождении скифов, также дошедшая до нас в изложении «отца истории»:

Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в страну, которую занимают скифы и которая тогда еще не была населена... и так как его застигла вьюга и мороз, то он закутался в львиную шкуру и заснул, а в это время его лошади каким-то чудом на пастбище исчезли.

Читатель сразу отметит несообразность: Геракл гнал быков, пропали у него лошади. Это не должно смущать: в мифах о богах и героях еще и не такое бывает.

Проснувшись, Геракл стал искать их и, исходив всю землю, пришел, наконец, в так называемое Полесье (Гилея); тут он нашел в пещере смешанной породы существо, полудеву и полуехидну, у которой верхняя часть тела от ягодиц была женская, а нижняя – змеиная. Увидев ее и изумившись, Геракл спросил, не видела ли она где-нибудь заблудившихся кобылиц; на это она ответила, что кобылицы у нее, но что она не отдаст их ему прежде, чем он не сообщится с нею; и Геракл сообщился-де за эту плату, но она все откладывала возвращение лошадей, желая как можно дольше жить в связи с Гераклом, тогда как последний желал получить их и удалиться. Наконец, она возвратила лошадей со словами:

«Я сберегла тебе этих лошадей, забредших сюда, и ты отплатил мне за это: я имею от тебя трех сыновей. Расскажи, что мне делать с ними, когда они вырастут; поселить ли здесь (я одна владею этой страной) или отослать к тебе?». Так спросила она, а Геракл, говорят, сказал ей в ответ: «Когда ты увидишь сыновей возмужавшими, поступи лучше всего так: посмотри, который из них натянет вот так этот лук и опояшется по-моему этим поясом, и тому предоставь для жительства эту землю, а который не в состоянии будет выполнить предлагаемые мною задачи, того вышли из страны...»

При этом Геракл натянул один из луков (до тех пор он носил два), показал способ опоясывания и передал ей лук и пояс с золотой чашей на конце пряжки, а затем удалился. Она же, когда родившиеся у нее сыновья возмужали, дала им имена, одному – Агафирс, следующему – Гелон, младшему – Скиф, а потом, помня завет Геракла, исполнила его поручение. Двое из ее сыновей – Агафирс и Гелон – оказавшиеся неспособными исполнить предложенный подвиг, были изгнаны родительницей и удалились из страны, а самый младший – Скиф, исполнив задачу, остался в стране. От этого-то гераклова сына Скифа и произошли-де все правящие скифские цари, а от чаши Геракла – существующий до сих пор у скифов обычай носить чаши на поясах. Так рассказывают живущие у Понта (Черного моря) эллины.

В подтверждение того, что эта версия мифа была действительно широко распространена в Северном Причерноморье и, в частности, у живших там греков, можно сослаться на изображения змееногой богини, обнаруженные при археологических раскопках...

Сам Геродот предпочитал третью легенду и в этом его поддерживают и многие современные ученые:

Есть, впрочем, и иной рассказ, которому я сам наиболее доверяю. По этому рассказу, кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли реку Араке³² и удалились в Киммерийскую землю.

А теперь предоставим слово главному защитнику *центральноазиатской* версии о происхождении скифов А.И. Тереножкину: «Несмотря на то, что киммерийские племена и их культура, – пишет он, – хронологически тесно смыкаются со скифами и в какое-то время в начале VII в. до н. э. даже как бы соприкасаются друг с другом, каждая из них, из этих культур, имеет свои, четко выраженные индивидуальные черты, что прослеживается в оружии, конской упряжи, предметах искусства. Культуру скифского типа нельзя генетически вывести из киммерийской. Представляется единственно вероятным, что появление и распространение скифской культуры связано с новой миграционной волной ираноязычных кочев-

³² Река Араке – ныне река Сыр-Дарья.

ников, принесших с собой новые формы скифской материальной культуры и скифского звериного стиля. Появление скифов на исторической арене относится к VII в. до н. э.».

Мне представляется, что на данный момент, с учетом всей имеющейся сейчас информации, *центральноазиатская* гипотеза происхождения скифов более предпочтительна, чем *автохтонная*. Для того чтобы подкрепить эту точку зрения фактами, нужно выделить характерные черты скифской культуры и доказать, что в Северное Причерноморье их уже в готовом и сложившемся виде принесли орды ираноязычных кочевников-скифов из Азии.

Как уже отмечалось выше, лицо скифской культуры определяет, прежде всего, *триада*: характерные типы вооружения, виды конской сбруи и звериный стиль. К *скифской триаде* некоторые ученые добавляют сейчас еще два признака: бронзовые литые котлы и бронзовые дисковидные зеркала с ручкой в виде двух вертикальных столбиков. Тем не менее необходимо, на мой взгляд, более точно сформулировать все характерные черты ранней скифской культуры, как входящие в *триаду*, так и дополняющие ее.

Киевский археолог В.Ю. Мурзин предложил для выделения скифского этноса в Восточной Европе следующий список признаков:

- 1) зеркала (бронзовые дисковидные с вертикальной ручкой);
- 2) блюда (каменные);
- 3) наконечники стрел (бронзовые двухлопастные втульчатые);
- 4) мечи («бабочковидные» и «почковидные» перекрестья);
- 5) прорезные бронзовые наконечники, выполненные в виде зверей (так называемые зооморфные наконечники);
- 6) уздечный набор (бронзовые стремечковидные удила и трехдырчатые псалии);
- 7) каменные изваяния, изображающие людей (антропоморфные изваяния).

При этом он уверенно высказывается в пользу «восточноазиатского» происхождения таких черт скифской культуры, как каменные блюда, бронзовые дисковидные зеркала, бронзовые двухлопастные наконечники стрел, стремечковидные удила и трехдырчатые псалии.

Илл. 54. Бронзовые прорезные навершия скифов

Петербургский ученый В.Ю. Зуев к «собственной центральноазиатской культуре» ранних скифов относит «оленные камни»³³, особенности погребальных сооружений, набор бронзовых наконечников стрел, клевцы³⁴, секиры, бронзовые шлемы, конскую упряжь, бронзовые дисковидные зеркала, звериный стиль, каменные блюда.

Уже упоминавшийся скифолог А.Ю. Алексеев, подвергнув тщательнейшему анализу весь этот список черт архаической скифской культуры, пришел к следующим выводам:

1) «оленные камни» имеют, несомненно, центральноазиатское происхождение, а в Восточной Европе появляются на рубеже VIII–VII вв. до н. э.;

2) аналоги антропоморфным изваяниям раннескифской эпохи можно найти в археологических комплексах 1200-700 гг. до н. э. в Синьцзяне (Северный Китай);

3) бронзовые литые котлы также имеют явно азиатское происхождение. Их ранние образцы известны в Минусинской котловине и в Казахстане; а на западе они впервые появляются не ранее середины VII в. до н. э. (Келермесский могильник в Прикубанье);

4) прототипы дисковидных бронзовых зеркал с вертикальной ручкой известны в Центральной Азии и Северном Китае еще в XII–VIII вв. до н. э. Анализ состава бронзы некоторых зеркал, найденных в Восточной Европе, например в кургане Перепятиха на Украине, показал наличие в нем сплава, характерного для Монголии и Северного Казахстана;

³³ «Оленные камни» – каменные плиты со стилизованными изображениями зверей.

³⁴ Клевец – короткое древковое оружие всадников с заостренным наконечником, напоминающим клюв.

5) прорезные бронзовые наконечники также имеют центральноазиатские аналоги (например, Корсуковский клад в Прибайкалье, VIII в. до н. э.);

6) бронзовые шлемы «кубанского» типа были распространены в Восточной Европе в VII – начале VI вв. до н. э., а источник их происхождения находился в Средней Азии и в Северном Китае (эпоха Чжоу);

7) биметаллические наконечники (т. е. сделанные из сплава железа и бронзы) хорошо известны с VII в. до н. э. в Средней Азии и в Южной Сибири.

То же самое можно сказать и о прочих характерных чертах скифской архаики: каменные блюда, конская узда, зооморфное искусство, – все имеют явные центральноазиатские корни.

Новые весомые аргументы в пользу *центральноазиатской* гипотезы происхождения скифов принесли находки в кургане Аржан (Тува), где в погребальной камере IX–VIII вв. до н. э. были обнаружены многие типичные предметы скифской *триады* и «олонный камень».

Таким образом, в многолетнем споре между сторонниками *автохтонной* и *центральноазиатской* версий происхождения скифов и их культуры чаша весов все больше склоняется в пользу «азиатчиков». Следовательно, в скифах можно видеть пришельцев из Азии (в чем солидарны и археологические данные и свидетельства античных авторов). Скорее всего, прародина скифов находилась где-то в пределах довольно обширной азиатской территории: между Тувой, Северной Монголией, Алтаем, Средней Азией и Казахстаном. Там они жили в окружении родственных им по культуре и языку племен: саков, массагетов, «пазырыкцев» (жителей Алтая). Диодор Сицилийский, автор I в. до н. э., сообщает, что скифы первоначально занимали территорию на р. Араке (совр. Сыр-Дарья), а затем «захватили страну к западу от Танаиса» (т. е. р. Дон). Что же заставило этих воинственных кочевников покинуть свою родину и искать счастья в далеких западных землях? Одно объяснение, как отмечалось выше, приводит Геродот. «Кочевые племена скифов, – пишет он, – обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Араке и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам)». А какие причины побудили встать на путь миграции самих массагетов – ближайших родственников скифов?

И в древности, и в средние века кочевники Евразии вели постоянную борьбу между собой за более обширные и благодатные пастбища для скота, водопой, места, богатые дичью и рыбой. Были и иные поводы для вражды: соперничество за господство в регионе между вождями племен, похищение женщин и др. Но очень часто в эти чисто людские страсти властно вмешивалась природа. Беспощадная засуха летом, сильнейшие снегопады зимой, эпидемии среди животных приводили к массовой гибели главного богатства кочевников – скота, а следовательно, и к обнищанию, голоду и бедствию данной кочевой общины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.